

МАРИЯ ВОРОНОВА

• Суд сердца •

П Р И Б А В Л Е Н И Е С Е М Е Й С Т В А

Суд сердца. Романы Марии Вороновой. Новое оформление

Мария Воронова
Прибавление семейства

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Воронова М. В.

Прибавление семейства / М. В. Воронова — «Эксмо»,
2023 — (Суд сердца. Романы Марии Вороновой. Новое
оформление)

ISBN 978-5-04-192957-2

Судье Ирине Поляковой доверили простое дело: признать умершей пропавшую пять лет назад жену партийного функционера Ильи Чернова. За все эти годы никто не доказал, что Чернов убил жену, хоть никто и не видел ее живой. Наверное, жизнь с тем, кто, пользуясь служебным положением, постоянно изменял, оказалась невыносимой. Вот женщина или решила исчезнуть, или... тут помог это сделать муж, убив ее и спрятав тело? Милиции не удалось найти улики, подтверждающие совершение Черновым преступления. А не пойман – не убийца. Обещавшее быть легким дело завело в тупик: ведь еще студенткой Ирина была влюблена в этого сильного и яркого мужчину, и за эту влюблённость ей много лет было очень стыдно...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192957-2

© Воронова М. В., 2023
© Эксмо, 2023

Мария Воронова

Прибавление семейства

© М.В. Виноградова, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Ленинград растворялся в чайном мраке ноября, а Ирина готовилась к декрету. Оставалось доработать две недели, и дальновидный председатель суда перевел ее на мелкую рутину, назидательно заметив, что руководитель обязан знать все аспекты судейской работы. Ирина не возражала, понимая, что погружаться в громкий и сложный процесс в ее положении глупо и безответственно. Мысленно она уже была дома, планировала дела, которые хорошо бы успеть сделать до родов, и на основе сугубо научных фактов пыталась угадать, кто появится на свет в этот раз, девочка или снова мальчик. Данные получались противоречивые: вроде бы красоту малыш у нее не забирал, но живот был скорее грушей, чем огурцом, так что поди узнай... Пока гарантировать можно только одно – какого пола ни окажется ребенок, он родится с густыми волосиками, потому что ее страшно мучает изжога.

Ирина встала и выпила чуть-чуть минералки. Совсем немного, чтобы не нарушать предписание врача. Отеков у нее не было, но доктор посоветовал ограничить жидкость, после чего Ирину немедленно начала мучить жажда. Так всегда, стоит что-то запретить, как сразу этого захочется, и не важно, что ты давно уже взрослый и рациональный человек.

Убрав бутылку подальше за штору, чтобы не маячила перед глазами и не соблазняла, Ирина с ненавистью взглянула на книжный шкаф. Надо вникать в тонкости гражданского законодательства, а мозгов на это уже нет. Беременность делает свое дело, в черепной коробке плещется кисель, который еще очень скоро вернется в состояние мыслительного аппарата. А может, и вовсе не вернется. Пока роды, пока кормление...

Вернувшись в кресло, она сбросила туфли и потянулась, с удовольствием взглянув на свои по-прежнему изящные лодыжки и ступни без всяких признаков отека. Страшно об этом думать, чтобы не сглазить, но вдруг судьба в этот раз позволит ей доносить и родить без проблем? С Володей у нее была эклампсия, потом Кирилл после ликвидации Чернобыльской аварии перенес тяжелую пневмонию, так что их семья выполнила план по болезням на эту пятилетку. Только у судьбы не плановое хозяйство, а рыночная экономика, стихийная. Кому-то все, кому-то ничего...

Ирина энергично тряхнула головой, выкидывая дурные мысли. Черт возьми, она судья и мать большого семейства, у нее столько забот, что нельзя тратить силы, беспокоясь о том, что только еще может произойти. А может и не произойти.

Все, две недели на постижение рутины и человеческих склок, а потом декрет и отпуск по уходу за ребенком. Целый год, наполненный только уютными домашними хлопотами и материнскими заботами, и никаких тебе сложных и ответственных решений, господи, какая красота! Ну а если почувствует ледяное дыхание подступающей деградации, то напишет Кириллу диплом, который ему давно пора защитить, да все как-то руки не доходят.

Ирина вздохнула. Муж и раньше не ставил высшее образование первым в списке своих приоритетов, а с началом перестройки вовсе забросил учебу, посвящая все силы кооперативу, который создал на пару с мастером цеха.

Цвет юности облетел, а вместе с ним и поэтические мечты и тяга к творчеству. «Зачем я, когда есть Витя Цой» – однажды горько заметил Кирилл, и с тех пор ходил в рок-клуб только тусоваться со старыми друзьями.

Летом, когда Кирилл был еще слаб после болезни и врачи настоятельно рекомендовали ему оставить горячий цех, мелькнул хороший шанс усадить его за парту, но теперь муж поправился, окреп, к тому же очень удачно вышел закон об индивидуальной трудовой деятельности, будь он не ладен, и Кирилл мгновенно забыл обо всех своих духовных исканиях.

«Знаешь, Ирочка, я столько лет вопил о необходимости перемен, что теперь, когда они наступают, остаться в стороне будет просто непорядочно», – со смехом заявил он и с головой погрузился в предпринимательскую деятельность.

Ирина пока не понимала, как к этому относиться, радоваться или тревожиться. С одной стороны, вроде хорошо, когда человек не протирает штаны в каком-нибудь бессмысленном НИИ, а делает то, что приносит пользу людям и доставляет радость ему самому. Например, ремонтирует квартиры или шьет модную одежду. В самом деле, что плохого в том, что Кирилл со своим мастером в свободное от основной работы время создают высокохудожественные заборы и могильные оградки? Люди хотят украсить свой быт, достойно чтить память близких, а мастера – получать хорошие деньги за хорошую работу. Вполне благостная картинка, если не думать о том, что все это делается на территории завода и на оборудовании завода, и хочется, конечно, верить, что не из заводского сырья, но... Нет, бюстительнице закона не стоит развивать эту тему даже мысленно. У нас, конечно, общественная собственность на средства производства, но вряд ли даже сам Маркс трактовал это в том смысле, что заходи, дорогой товарищ, на любое предприятие, и твори там, что твоей душеньке угодно.

Хотя реальность сейчас так стремительно меняется... Еще пару лет назад даже в самом жутком похмельном кошмаре не мог бы привидеться нынешний журнал «Огонек», а теперь – пожалуйста. Брала оторопь от первых номеров, но человек ко всему привыкает, в том числе и к сенсационным разоблачениям. Ирина поежилась. Ширма из красных знамен и гипсовых бюстов пошатнулась, и по всему видно, что скоро упадет. Какая пропасть откроется за нею и чем заполнится, неизвестно, ясно только одно – дети ее будут жить не в том мире, к которому она привыкла, и играть им придется по другим правилам. Сможет ли она помочь, дать хороший совет? Вопрос риторический...

Вздохнув, Ирина переложила листы бумаги копиркой, стукнула по столу, подравнивая, и заправила в пишущую машинку, бодро занесла руки над клавиатурой... И уставилась в белую пустоту страницы, начисто забыв, что собиралась печатать.

Кофе бы попить, взбодриться, но из-за беременности нельзя. По утрам она с подачи Гортензии Андреевны пьет некую бурду, которую муж называет «тень кофе», состоящую из цикория и ячменя, и чай тоже ей заказан, спасибо папе Вити Зейды, который специально для нее привез трехлитровую банку меда и по мешку шиповника и грецких орехов, сопроводив свои дары страстной речью про витамины и домашний продукт.

Речь сия проняла Кирилла до самых пяток, только почему-то сам он преспокойно пьет что хочет, благо в арсенале Витино папы оказались и другие целебные жидкости, типа самогона, а Ирине с детьми приходится напиваться силой природы. Володе шиповник нравится, а Егор его терпеть не может, но не капризничает, видя, как мать геройски давится витаминами.

В животе медленно и сонно потянулся ребенок, и Ирина закрыла глаза, позволяя себе пережить момент абсолютного счастья. Все хорошо, и будет хорошо, а если нет, то у нее достанет сил справиться.

Всю жизнь она тревожилась о том, что не сумеет, не достигнет, не оправдает надежд. Ее представление о себе и о мире точнее всего можно было охарактеризовать поговоркой «слон в посудной лавке». Неловкая и неуклюжая Ира в тесной, хрупкой и громоздкой реальности, готовой разлететься вдребезги от любого ее неосторожного движения.

А как забеременела в этот раз, будто занозу из сердца вынули. Постоянная тревога исчезла куда-то, и самое забавное, что именно тогда, когда для нее появились весомые поводы.

Пневмония Кирилла, ее беременность, в стране перемены, которые черт знает куда приведут...
Прежняя Ирина уже на пену бы изошла, а нынешняя в ус не дует.

Так все-таки что она хотела печатать?

Ирина потянулась к блокноту, но тут дверь кабинета открылась.

– Не помешаю? – Павел Михайлович стоял на пороге, загадочно улыбаясь.

Она по-ученически поднялась.

– Сидите, сидите, Ирина Андреевна!

Войдя, председатель плотно затворил дверь и, несколько поправ приличия, бочком сел на край стола, будто на дамский манер вскочил на лошадь. Подумав так, Ирина невольно улыбнулась.

– Что, рады меня видеть, дорогая Ирина Андреевна? А я вам дело приготовил, ясное, как майский денек.

Ирина усмехнулась. С этой фразы в ее жизни никогда не начиналось ничего хорошего, а только одна сплошная нервозность.

– За это вы меня точно не упрекнете, – продолжал Павел Михайлович, правильно истолковав ее молчание, – совсем наоборот, благодаря этому процессу вы, Ирочка, поймете, что труд наш скорбный состоит не только в том, чтоб наказывать да склоки разбирать. Порой судья сподобится просто облегчить человеческое горе.

– Да?

– Да, Ирочка. Дело самое простое, я вам железно гарантирую, что голову над ним ломать не придется, но сугубо деликатное. Такое деликатное, что справитесь только вы, с вашим женским тактом.

– Боюсь подумать, какого свойства дело это может быть.

– Всего лишь надо признать умершим без вести отсутствующего. Сроки там давно выбраны, доказательства собраны... На полчаса работы.

Ирина зябко повела плечами:

– Там что, ребенок?

– Ну что вы, Ирочка! Я, конечно, человек скверный, но не до такой степени, чтобы поручать подобные дела женщине в интересном положении.

– А деликатность тогда зачем? Если сроки вышли, то горе родственников потеряло остроту, наверняка они человека уже десять раз мысленно похоронили. Кто там у них пропал, алкоголик или дементная бабушка?

– Не угадали. Вполне себе положительная женщина, супруга секретаря партийной организации нашего университета Чернова. Вы же у нас девушка молодая, наверняка застали его, будучи студенткой? И про исчезновение жены, думаю, не могли не знать.

Ирина еле нашла в себе силы произнести: «В общих чертах».

Павел Михайлович говорил, какой хороший человек Чернов, как много помогал другим хорошим людям, как мужественно переносит свалившееся на него несчастье, поэтому надо побережь его психику на суде, а тем временем мир вокруг Ирины стремительно тускнел и терял краски.

Закрыв за председателем суда дверь, она подошла к окну, глотнула еще минералки и прижалась лбом к холодному стеклу. Господи, ну почему, как только ты почувствуешь себя счастливой и хорошей женщиной, жизнь немедленно дает тебе пощечину?

* * *

Олеся давно не хотела просыпаться по утрам, но сегодня ночью умереть во сне была особенно не против. Все что угодно, лишь бы не идти в суд.

Она и на работу ходила как на каторгу, но там унижение стало уже привычным, как в песенке «если вы утонете и ко дну прилипнете, то немножко полежите, а потом привыкнете».

А теперь ее решили выдернуть из ила, чтобы ударить о новое дно...

Самое грустное или самое смешное, как посмотреть, в том, что еще полгода назад достаточно было сказать: «Ой, нет, это для меня слишком сложно» – и никто бы ее ни в какой суд не потащил. Еще бы и прощения попросили, что потревожили, а теперь... Теперь те же люди, что прежде заискивали перед ней, отдают суровые приказы, и попробуй не подчинись.

Она пыталась отнекиваться, просила отправить в суд кого-нибудь другого, но завуч была непреклонна. «Это ваш гражданский долг, Олеся Михайловна», – отчеканила, будто с трибуны. Не надеясь уже на успех, Олеся промямлила, что ее нечем заменить и дети останутся без уроков ритмики, на что завуч разразилась своим фирменным смехом, звучавшим так, будто сотню консервных банок бросили в мусорный бак. «За это не беспокойтесь, – веско произнесла она, – ритмика предмет не обязательный. Настолько не обязательный, что я без проблем уберу ее из учебного плана и сокращу вашу ставку. Надеюсь, вы меня поняли, Олеся Михайловна!»

Когда-то в прежней жизни прежняя Олеся смеялась над подобными угрозами. Один звонок, и завуч раз и навсегда уяснила бы себе ключевое место ритмики в среднем образовании. Или наоборот, Олеся принесла бы в учительскую торт и пару бутылок шампанского, нежно простилась с любимым коллективом и наслаждалась бы всеми привилегиями человека, уволенного по сокращению.

Все изменилось в один день, как в сказке. В очень грустной и злой сказке.

За эти полгода Олеся привыкла к боли и к одиночеству. Научилась не обращать внимания на шепоток за спиной и убеждать себя, что случайно подслушанные слова «вот и наша барыня дерьма поест» сказаны не про нее и не с тонким расчетом, чтобы обязательно достичь ее ушей.

Перенесла сочувствие подруг, в котором была только радость, что это происходит не с ними, и то, что ни одна из них не сдержала пламенную клятву быть рядом и поддерживать, тоже приняла.

Даже предательство детей простила. Олеся так надеялась, что сын с дочкой объявят отцу бойкот, и угроза потерять детей заставит его остаться в семье, но не случилось.

Дети заняли не по годам мудрую позицию «мы любим и папу и маму независимо от того, вместе они или нет». Зачем только она их воспитала в такой широте взглядов...

Что ж, они оба взрослые, живут отдельно, могут себе позволить думать о своем душевном комфорте, а не о горькой доле матери.

Казалось ей, что за последние полгода все сорта дерьма она уже испробовала, но нет, жизнь, кажется, на этот счет неистощима. Припасла для нее новое блюдо.

За двадцать пять лет ей впервые придется, знакомясь с людьми, представляться не женой офицера, а разведенной учительницей. Господи, какой позор...

Жена офицера – это солидная, уважаемая роль, даже если тебе восемнадцать, а муж твой младший лейтенант. Мужчины тебе симпатизируют, что выбрала судьбу боевой подруги, женщины завидуют. Пусть у тебя за спиной только балетное училище и никаких перспектив из-за плохих природных данных, но раз ты замужем, то точно уже не пустое место. А когда муж стремительно растет в звании и должности, то ты разделяешь с ним уважение и почет, ибо, кто знает, добился бы он таких успехов без поддержки супруги.

К жене генерала прислушиваются, а к разведенке совсем другое отношение. И в суде ведь не получится обойти этот момент, нельзя будет на вопрос о семейном положении обтекаемо вздохнуть «ах, его больше нет» в надежде, что ее примут за вдову. Вдовой быть не стыдно, и вообще легче, ведь когда человек умирает, он оставляет тебе ваше общее прошлое, а когда уходит, забирает его с собой.

Только в суде на слово не верят, там придется показать паспорт с позорным штампом, и вообще карьера бывшего мужа, и так блестящая, с перестройкой рванула в небеса, как ракета,

он часто мелькает по телевизору, недавно дал интервью «Огоньку». Для покойников такая прыть – большая редкость.

Ничего не поделаешь, придется сказать правду и получить в лицо ушат презрения. Кто это к нам тут явился с помойки жизни, ухмыльнутся про себя новые знакомые. Всем известно, что военные никогда не разводятся, и раз уж генерал Носов решился на такой отчаянный шаг, значит, жена у него запредельная дура, неряха и истеричка, с которой невозможно жить. Отсюда последует логичный вывод, что она недостойна заседать в суде и выносить приговоры, раз не сумела сохранить семью, в итоге ее прогонят, и вернется ритмичка Олеся Михайловна в школу с очередным клеймом неполноценной женщины и человека.

Что ж, если нельзя быть, надо хотя бы выглядеть. Олеся открыла шкаф, осторожно придерживая левую створку. Муж все обещал прикрутить расшатавшееся крепление, но вместо этого ушел к другой.

Свободной рукой перебирая плечики с одеждой, Олеся вдруг сообразила, что теперь в гардеробе стало слишком много свободного места. Решительно сдвинув вешалки на одну сторону, она закрыла проблемную створку на маленькие задвижки вверху и внизу. Очень хорошо. Половины пространства ей хватит, зато можно не бояться получить дверь по голове.

Дурацкая привычка готовить одежду с вечера, но за двадцать пять лет крепко въелась, не искоренишь. Когда хочешь, чтобы муж и дети безупречно выглядели, нельзя собирать их в утренней спешке. Ведь форма, что военная, что школьная, требует тщательного отпаривания, чтобы о стрелки брюк порезаться можно, и дочкино платье должно быть без единой складочки. Проверить, что в наличии свежие сорочки со всеми пуговицами, чистые носки без дырок, колготки без спущенных петель, капроновые ленты намочены и намотаны на бутылку из-под вина, чтобы за ночь разгладились... Воротничок и манжеты на дочкином форменном платье при необходимости свежие подшить, ну и запас чистого белья проверить на всякий случай. Минут сорок приходилось этому каждый вечер посвящать, зато было чем заняться. Другие мамы глаза закатывали, мол, балуешь дочку, что из нее вырастет, белоручка, неумеха, мы-то своих приучили к домашней работе, наши дочки в первом классе уже сами себе трусы стирают, а твоя что?

Наверное, они были правы, но Олеся казалось чудовищно несправедливым, что она всем будет стирать, а дочке не будет. Это не мамина помощница получится, а семейный изгой какой-то. Главное, чтобы она привыкла быть чистой, ухоженной и аккуратной, чтобы это стало внутренней потребностью, каковую человек всегда находит способ удовлетворить. А дети, которых заставляют с пеленок стирать себе трусы, приучаются только к одному – ходить в застиранных трусах и вообще в затрапезном виде, потому что в семь лет ребенок еще не способен сам себя обслужить.

Олеся покосилась на фотографию на стене. Сын с дочкой маленькие, сидят обнявшись. Сын улыбается, дочка, как всегда, смотрит серьезно. Это бабушка с дедушкой водили внуков в фотоателье на Невском. В тот отпуск Олеся тоже хотела сходить, запечатлеться вместе с мужем, но как-то не собрались. И за четверть века совместной жизни осталось у нее только несколько любительских снимков да фотографии на документы, где люди сами на себя не похожи.

Нет, не сердится она на детей. Отец-генерал гораздо больше может сделать для их будущего, чем мамаша – жалкая учительница ритмики. Дети продолжают династию, сын поступил в военное училище, дочка, вся в мать, вышла замуж за курсанта и уехала с ним служить на Север, как только он выпустился. В их положении ссориться с отцом-генералом просто самоубийство. А в ее положении вообще нечего дергаться: обидится на детей – останется совсем одна. Совершенно, химически чисто одна, как на необитаемом острове.

Олеся задумчиво перебрала плечики, некстати вспомнив, что муж называл их странным кровожадным словом «распялки», а сын из училища притащил веселое название «тремпель», и они спорили, как правильно. Спорили азартно, радостно и дружно, так ей казалось, а что на

самом деле, поди знай. При разводе выяснилось, что она вечно в облаках витала, за широкой спиной мужа забот не знала, жизни не нюхала. У свекрови оказался поистине неистощимый запас идиом на эту тему, а муж выражался конкретнее: «Мне надоела твоя граничащая с психопатией наивность».

– И дальше бы я этой жизни не нюхала, ибо запашок у нее так себе, – проворчала Олеся, достав серое платье с воротником-стойкой, сдержанно-нарядное из серии «и в пир и в мир и в добрые люди». В суде вряд ли она встретит много добрых людей, но платье как раз подойдет для официальной обстановки. Из украшений она наденет только тонкие золотые серьги и часы. Никаких бус и колец, строгий деловой стиль.

Сапоги, правда, разрушают образ преуспевающей женщины. Фирменные, финские, но за три сезона стоптались. Олеся собиралась купить новые прошедшей весной, но случился развод, и на дефицитной обуви пришлось поставить крест.

С другой стороны, женщина в платье и сапогах всегда выглядит как колхозница, особенно если сверху еще пиджак напялит. Так что надо взять с собой сменную обувь, вот и все. Есть прекрасные итальянские лодочки, почти новые, она в них только в театр ходила.

Если исхитриться и собрать отросшие пряди в гладкий пучок, выйдет вполне элегантный образ, никто и не догадается, что жизнь разрушена. Может, как-то и вопрос о семейном положении получится обойти.

Выложив на диван платье и туфли, Олеся открыла ящик с бельем и оказалась лицом к лицу с ужасной правдой. У нее не было ни одной пары целых колготок. Все они, с защитными дырками, в пятнах лака для ногтей, которым она пыталась остановить поехавшие петли,годились только под брюки. Несколько пар на первый взгляд казались приличными, со штопкой в основном выше колена, но от старости и частых стирок истлели и готовы были лопнуть от самого незначительного движения.

На всякий случай Олеся еще раз тщательно перебрала свои запасы, но не нашла ничего, что можно было бы надеть без риска опозориться.

В соседнем доме хорошая галантерея, до закрытия которой остается еще целый час, но что толку? Даже если там вдруг есть приличные колготки, у нее в кошельке два рубля, а до полочки неделя.

Последний раз полюбовавшись на изящную линию туфель, Олеся спрятала их в коробку и вместе с платьем убрала в шкаф. Почти не глядя выхватила повседневные черные брюки и трикотажный джемпер цвета старого кирпича.

Она больше не генеральша, надо с этим смириться. Нечего пускать пыль в глаза людям, только на посмешище себя выставить. Гораздо достойнее оставаться тихой и незаметной, чтобы людям вообще не интересно было, кто она такая.

* * *

Ирина очень надеялась, что к вечеру тоска пройдет, заглохнет и потеряется в житейских заботах, как происходит с неприятными воспоминаниями почти всегда, но сегодня внезапно разбуженная совесть никак не хотела успокаиваться.

Дети утомнились на редкость быстро, будто почувствовали настроение матери. Володя заснул на половине своего любимого «усатого-полосатого», а Егор совершенно потерялся в книге «Всадник без головы». Кирилл задерживался по каким-то загадочным индивидуально-трудовым делам, и у Ирины неожиданно выдался спокойный одинокий вечер. В другой день она обрадовалась бы, тоже схватилась за книжку, а сегодня легла в кровать, погасила свет и зарылась лицом в подушку.

Совесть ныла, как больной зуб.

Интересный парадокс, при полном отсутствии формальных поводов для самоотвода дело Чернова задело ее гораздо сильнее, чем если бы ее связывали личные отношения с кем-то из фигурантов.

В студенческие годы Ирина не утруждала себя общественной работой и о будущей карьере заботилась тоже не слишком сильно. По правде сказать, учебе она вообще отводила весьма скромное место, бросив все силы на достижение высшей цели – создание семьи. Хорошие оценки на экзаменах еще надо получать, чтобы стипендию платили да дома не ругали, но на этом все. Какие-то там кадровые перестановки, соотношение сил, влиятельные преподаватели, которым надо подольститься, чтобы оставили на кафедре или хорошо распределили, господа, товарищи, о чем вы говорите! Кто будет этим заморачиваться, когда надо искать подходящего жениха?

Так бы она и доучилась в счастливом неведении о высшем руководстве универа, но на выпускном курсе комсомольские активисты поймали ее на территории и отправили украшать актовый зал к очередному юбилею революции. К тому времени она уже знала, что отказ от подобного мероприятия может быть истолкован очень широко, поэтому отвертеться даже не пыталась. Лучше пару часов позаниматься ерундой, чем потом на комсомольском собрании бить себя пяткой в грудь, доказывая, что студентка Полякова – банальная лентяйка, а не злостная антисоветчица.

Заняться в зале оказалось особенно нечем, народу согнали больше, чем нужно, но среди них не нашлось ни одного приятеля Ирины, чтобы скоротать время за болтовней.

Побродив по залу, она вдруг заметила, что выпуклые пенопластовые буквы на лозунге «Слава КПСС» покрыты густым слоем пыли. Лозунг висел в глубине сцены, за бюстом Ленина, никто в него не всматривался ни в поисках пыли, ни тем более скрытых смыслов. Славить КПСС Ирина не собиралась, но мама давным-давно отучила ее спокойно смотреть на беспорядок в любом его проявлении.

На сцене как раз стояла стремянка, и, вооружившись тряпкой, Ирина залезла на нее и принялась осторожно, чтобы не втереть пыль в шершавую пенопластовую поверхность, обрабатывать буквы.

Она так увлеклась, что не заметила, как к ней подошли.

– Осторожнее, – вдруг сказали внизу, – шатается.

– Ничего, ничего, – машинально ответила она, и, обернувшись, увидела мужчину средних лет. Почему-то он показался ей похожим на Мефистофеля, хотя Ирина не очень хорошо представляла себе, как выглядит Мефистофель.

– Я подстрахую.

– Ну что вы, – промямлила она, – наоборот, лучше отойдите, чтобы пыль на вас не летела. Испортите костюм.

– Логично, – кивнул он, – тогда, с вашего разрешения...

Быстрым жестом сняв пиджак, он бросил его на стол для заседаний, и взялся за стремянку, которая, действительно, сразу обрела устойчивость и надежность.

Отчищая серединку предпоследней С, Ирина пригляделась к своему неожиданному помощнику внимательнее. Первое впечатление не обмануло, он мог послужить живой иллюстрацией к поговорке «мужчина должен быть чуть красивее черта».

Густые брови вразлет, длинный крючковатый нос, тонкие, прихотливого рисунка губы, все атрибуты дьявольской силы были на месте, только глаза немного подвели, не горели темным адским огнем, а были серые, как у обычного человека.

Под рубашкой угадывалось сильное худощавое тело, и Ирина вдруг почувствовала странное волнение. Даже голова закружилась, поэтому, когда она, дочистив последнюю букву, стала спускаться, то пошатнулась, но незнакомец сразу подхватил ее за талию.

– Осторожнее, дорогой товарищ, – сказал он, ставя Ирину на пол.

Сердце забилося сильнее, и Ирине сделалось немножко жутко и в то же время радостно, как бывает на американских горках.

Убедившись, что она на земле и в безопасности, мужчина накинул пиджак и пробежался по залу, легко перебирая длинными и стройными ногами. Вероятно, ему понравилось увиденное, потому что он зычным и хорошо поставленным голосом поблагодарил студентов за работу и отпустил по домам.

Любопытство снедало ее, но Ирина побоялась выдать свой интерес к незнакомцу и не спросила, кто он такой.

Долго мучиться, впрочем, не пришлось, тайна разрешилась на следующее же утро, когда хмурые студенты собрались на набережной, чтобы стройной колонной прошествовать по Дворцовой площади, выражая таким образом свой восторг и солидарность.

Стояло промозглое осеннее утро, под ветром и дождем Нева зябко подергивалась мелкой рябью, безнадежно серые тучи лежали так низко и так густо, что восходящее солнце с трудом угадывалось в них.

Ребята шли по трое под одним зонтом, прижимаясь друг к другу, как пингвины, кому не хватало места, поднимали воротники, сутулились, дышали на озябшие пальцы и прятали их в рукавах. Хуже всего было то, что Дворцовая площадь не могла сразу вместить все народные массы, кои в добровольно-принудительном порядке выгнали на демонстрацию, перед нею скопился довольно серьезный затор, и приходилось двигаться медленно или вовсе стоять на месте, отчего холод и сырость пробирали до самых костей.

«Неужели надо обязательно всем трудящимся простудиться, чтобы коммунизм наконец победил, – желчно думала Ирина, с трудом шевеля онемевшими пальцами ног, – или хоть делали бы революцию летом, когда погода хорошая. Нет, надо было обязательно в ноябре...»

Тут ее мрачные размышления были прерваны появлением вчерашнего незнакомца. Он, в темной куртке с капюшоном еще больше похожий на черта, лавировал среди студентов, выкрикивая: «Ребята, не толпимся, не напираем, держим строй!»

Оказалось, что это Илья Максимович Чернов, новый секретарь парторганизации университета. Ирина изумилась, так не похож он был на типичного партийного функционера, толстого, величавого, с тусклым взглядом. «Сбой системы» – усмехнулась она, а Чернов, как истинный коммунист, наскучив смотреть на сизые от холода носы и унылые лица, решил поднять народный дух песней.

«Давайте, ребятки, запевай, – крикнул он и начал: – «Угрюмый лес вокруг стоит стеной...»

Голос у него оказался низкий и сильный, и студенты подхватили сначала нехотя, поневоле, но быстро воодушевились, и песня зазвучала неожиданно стройно и хорошо.

Через несколько мгновений Ирина с удивлением поняла, что вместе со всеми выводит «вперед друзья, вперед, вперед, вперед!», хотя мало что в жизни нравилось ей меньше, чем хоровое пение.

Люди из других колонн весело оглядывались на них, махали, подмигивали, какой-то дядечка, с лицом обветренным и морщинистым, как печеное яблоко, от избытка чувств протянул Ирининой подружке флажок, и она стала энергично им размахивать, отбивая такт.

Холод вдруг отступил, и вообще у Ирины возникло странное ощущение, что она сейчас делает что-то важное и полезное для людей, и от этого на сердце стало легко и спокойно. Умом Ирина понимала, что это не более чем стадный инстинкт, но чувство единства оказалось очень приятным... Так день, от которого Ирина не ждала ничего хорошего, подарил ей одно из самых светлых воспоминаний.

С песней «Маленький трубач» колонна подошла к Дворцовой, но тут их голоса были заглушены фальшивыми криками ура и лозунгами из репродуктора.

Нет, Ирина не влюбилась в Чернова в полном смысле этого слова, но иногда позволяла себе помечтать. Даже не совсем мечтать, а как будто сочинять роман с собой и с Черновым в главных ролях. Всякие там были сцены, и романтического признания, и первой ночи... Чего только девушка не вообразит себе, когда знает, что никто не заглянет в ее мысли! И надо ли уточнять, кого Ирина представляла в роли мистера Рочестера, в сотый раз перечитывая «Джейн Эйр»?

Невинные романтические мечты оставались мечтами, она не искала встреч, но сплетни и слухи о секретаре парторганизации впитывала как губка, благо недостатка в них не было. Чернов сразу сделался в универе фигурой заметной и даже слегка одиозной, о нем судачили больше, чем обо всем руководстве, вместе взятом. До назначения в университет он был первым секретарем крайкома где-то на Севере, и знающие люди утверждали, что столь существенное понижение в должности бедняга схлопотал за нелады с коммунистической моралью. Вроде бы имел роман на стороне, что является отличным поводом убрать человека, если его хотят убрать.

Другие возражали, что ничего подобного, роман, конечно, может быть, и был, кто без греха, в конце концов, но Чернов оказался в универе не поэтому. Надоело человеку задницу морозить, потянуло в цивилизацию на склоне лет, вот и согласился на нижестоящую должность.

Третьи говорили, что любовные похождения ни при чем, просто терпеть кипучий идиотизм Чернова оказалось не под силу даже чукчам.

Действительно, вступив в должность, Илья Максимович тут же принялся совать свой крючковатый нос во все сферы университетской деятельности, в том числе и те, где до сих пор прекрасно обходились без него.

Интеллигентные профессора вздрагивали при одном только упоминании Чернова, который строго следил за идеологией учебного процесса, кидаясь на любое проявление вольнодумства, как бык на красную тряпку. В университете обязаны воспитывать в первую очередь коммунистов, а специалистов далеко потом, – вот каким было кредо Ильи Максимовича. За это ему дали кличку Комиссар, и, в общем, неясным оставалось только одно – действительно он такой истовый дурак или просто притворяется лучше других. Особенно ярко Чернов проявил себя в конфликте с профессором Зиновьевым, прекрасным ученым и блестящим преподавателем. На его лекции собирались, как на спектакль, студенты со всех факультетов, сидели на подоконниках и на полу. Зиновьев умел увлекательно подать самый скучный материал и сам был человеком очень обаятельным и интересным, с богатым прошлым. Отсидел несколько лет в лагере по ложному доносу (говорить об этом вслух в те годы было не принято, но все знали), воевал, много путешествовал с археологическими экспедициями, бывая в самых отдаленных и опасных уголках мира. В общем, биография, достойная приключенческого романа. Много выпало на его долю опасностей и лишений, но на склоне лет судьба наконец дала ему то, чего он был давно достоин, – высокую должность, международное признание, известность, искреннее уважение коллег и студентов. Казалось бы, самое время наслаждаться жизнью, но не тут-то было. Профессор разработал свою теорию развития общества, которая, если Ирина правильно поняла, заключалась в том, что смена общественно-экономических формаций происходит не от производительных сил и производственных отношений, а в результате взросления человечества и его духовного развития. В рамках партийной бдительности Чернов присмотрелся к теории Зиновьева и обнаружил, что данная концепция слегка отличается от марксистско-ленинской, а значит, в корне неверна. Илья Максимович категорически потребовал, чтобы идиотский схоластический бред профессора не выходил за пределы его письменного стола. Дома, наедине с собой, ради бога, пусть изобретает любую чушь, а на службе следует придерживаться общепринятых концепций, учебного плана и пятилетнего плана работы кафедры. Нельзя в старейшем университете страны пудрить всякой ересью неокрепшие студенческие мозги, не говоря уже о соискателях и аспирантах, которые должны заниматься научной, а

не антинаучной работой. Что будет, если неопытные ребята попадут под тлетворное влияние Зиновьева, и, вооружившись ложными идеологическими предпосылками, напишут диссертации, от которых поседает ученый совет? Получится, что люди зря потеряют три года жизни, оттого, что начальство потворствовало некомпетентному специалисту?

Зиновьев за долгую и бурную жизнь видал врагов и пострашнее Ильи Максимовича, поэтому продолжал гнуть свою линию. А Чернов – свою. Взывал к завкафедрой, к парторгу, а когда это не помогло, созвал экстренное партсоборание, прошедшее так остро, что потомки долго еще будут слагать о нем саги.

Когда Илья Максимович с трибуны горячо призвал Зиновьева оставаться в рамках марксизма, тот ответил, что настоящий ученый тратит свои силы как раз на то, чтобы выходить за рамки, а не придерживаться их. Наука служит для познания мира, а не для оправдания умозрительных концепций, о чем, кстати, Маркс и Энгельс многократно упоминали в своих работах. Вот именно, парировал Чернов, сначала познайте, а потом уж выдвигайте, потому что чем меньше фактов, тем стройнее теория. С этим последним утверждением Зиновьев согласился, но заметил, что науку двигают вперед не только исследования, но и дерзкие гипотезы и честные дискуссии. Илья Максимович обидно засмеялся и сказал, что в данном случае оппоненты должны представлять свои аргументы в таблетированном виде. На это хамство можно было отреагировать только в духе «сам дурак», что и было сделано.

В общем, это собрание выгодно отличалось от обычной нудной говорильни.

Ирине было немного стыдно, что она почти влюбилась в зашоренного коммунистического долдона, но сердцу не прикажешь. Все равно оно вздрагивало, когда она встречала в универе Илью Максимовича, несущегося подавлять инакомыслие с нехарактерной для партийного функционера скоростью.

Надо было его презирать, а она млела. Больше того, в голову начинали закрадываться предательские мысли, что Чернов, естественно, не прав, но не на все сто процентов. Так ли уж необходимо морочить студентам головы теорией, которая не признана никем, кроме тебя самого и нескольких сотрудников кафедры, склонившихся не перед убедительностью научных аргументов, а перед обаянием твоей личности? Университет все-таки государственный, и твое имя пока не носит... С другой стороны, мир меняется, значит, меняется и представление о нем, строгие рамки марксизма становятся тесны. В любом случае прав тот, кто за развитие, а не тот, кто за бессмысленные запреты.

Неизвестно, чем бы кончилось противостояние упертого коммуниста и не менее упертого сторонника свободы мысли, но в День Победы Чернов пришел в медалях, и выяснилось, что в сорок третьем году он, прибавив себе два года, сбежал на фронт и прошел до самого Берлина, причем воевал примерно там же, где Зиновьев, и даже награды у них одинаковые. Мужчины обнялись, выпили, и помирились. Илья Максимович прекратил гонения, а Зиновьев вроде бы перестал продвигать свою концепцию. Хорошо это было или плохо для науки, Ирина не знала. На лекциях профессора она с увлечением слушала рассказы об исторических личностях, а теоретические выкладки пропускала мимо ушей, считая, что мир слишком сложная штука, чтобы его можно было объяснить чем-то одним.

Иногда, мечтая о Чернове, Ирина представляла, какой должна быть жена у такого интересного мужчины. В воображении рисовалась то фантастическая красавица, то, наоборот, отвратительно бесформенная субстанция, от которой пойдешь гулять даже ценой карьеры.

Оказалось, ни то ни другое. Однажды в универе распределяли билеты в театр, где, кажется, при отсутствии нормальных пьес взялись инсценировать протоколы производственных совещаний. Зрелище обещало стать невыносимым, но не пойти было нельзя, силами студентов и школьников требовалось продемонстрировать граду и миру, что подобное искусство пользуется спросом у советских граждан.

Для лучшего понимания великой пьесы прихватили с собой несколько бутылок рислинга, чтобы распить в антракте, но, увидев в фойе Чернова с женой, отказались от этого плана. Илья Максимович начал искоренять пьянство в студенческой и преподавательской среде еще задолго до генеральной линии партии, что, конечно, не добавляло ему народной любви.

Ребята сокрушались, что еще полтора часа придется смотреть этот бред на сухую, а Ирина исподтишка глазела на жену Чернова и удивлялась, насколько она не соответствует образу коммунистической супруги.

Это оказалась совершенно обычная, даже невзрачная женщина средних лет, одна из многих, на которых не остановится глаз.

Высокая, крупная, нос картошкой, жена Ильи Максимовича, наверное, в молодости не была даже хорошенькой, и с годами не приобрела того специфического лоска, по которому сразу видно номенклатурную супругу. Похоже, Чернова просто нацепила на себя первое, что под руку попало, расчесалась и пошла, даже не накрасившись. Наверное, простые черные брюки сшили лучшие портные города, а пушистый ангорский джемпер был куплен в закрытом распределителе, но на нескладной фигуре Черновой все это выглядело не лучше продукции фабрики «Большевичка». В общем, Чернова показалась Ирине живым воплощением сакрального и риторического вопроса «и что он в ней нашел?».

Пряча за спинами сумки с вином, студенты изо всех сил старались стать невидимыми, но Черновы им кивнули, пришлось подойти и поздороваться.

– Мужайтесь, дети мои, – сказала Чернова, улыбнувшись.

Улыбка очень ей шла, но тогда Ирина предпочла этого не заметить, чтобы не разрушать в своем сознании образ недалекой и безвкусной бабы, совершенно неподходящей для роли супруги крупного руководителя.

Решив поиграть в демократию, Илья Максимович поздоровался с парнями за руку, а девушкам учтиво кивнул, и во взгляде его Ирина прочла восхищение и призыв, и по телу прокатилась теплая волна радости, что она нравится такому мужчине.

Ирина невольно поежилась от стыда, вспоминая свои тогдашние мысли.

В тот вечер она, глядя с третьего яруса не на сцену, а на седеющую макушку Черновой в партере (даже волосы не красит, какой позор), упивалась своей юностью, уверенная, что навечно останется красивой и молодой, и чувствовала себя победительницей. Пусть Илья Максимович живет с женой, но мечтает он об Ирине.

Тогда она еще не знала, как быстро летит время, неумолимо забирая и красоту, и молодость, оставляя тебе только горечь несбывшейся мечты.

Вскоре Ирина отправилась писать дипломную работу, и потихоньку забыла об Илье Максимовиче и о своих чувствах к нему. Когда он в торжественной обстановке вручал ей диплом, сердце привычно замерло, но лишь на секунду. То была прощальная улыбка беззаботной юности на пороге взрослой жизни.

Она вышла замуж, родила Егора, и, погрузившись в семейный быт, чувствовала себя счастливой. Точнее, уговаривала себя, что счастлива, раз ее мечта сбылась.

Пусть самые откровенные ласки мужа не способны были вызвать в ней и тени того трепета, что она испытала от мимолетного прикосновения Чернова, это было не важно. Ведь романтические восторги и страсти бывают только в книгах, да и то не самых лучших.

У тебя полная семья, муж и сын, значит, ты счастлива, а если нет, то сама виновата, – эта парадигма была разлита в воздухе, и оспорить ее казалось не просто невозможным, а кощунственным.

Развод стал для Ирины сокрушительным ударом. Каждый вечер, уложив Егора спать, она запиралась в ванной, и, включив воду в полную силу и прижав к лицу полотенце, не плакала, а натуральным образом выла от боли и унижения, без конца повторяя «за что? за что?». И не находила ответа.

Иногда в густом киселе отчаяния и гнева, из которого состоял тогда ее мозг, проблескивали искорки понимания, что после ухода мужа жить сделалось проще и легче. Не надо наглаживать сорочки до идеального состояния, наводить стрелки на брюках, готовить, приноравливаясь к чужим привычкам и капризам, да и грязи в доме стало на порядок меньше. После развода она сама распоряжается бюджетом, всегда точно знает, сколько у нее денег, и сама решает, куда их потратить. Может откладывать, не опасаясь в один прекрасный день найти пустой конверт, потому что, видите ли, «Санек толкал клевую джинсу, я как раз такую хотел».

У нее появилось свободное время, чтобы развиваться профессионально, но разве это компенсирует такую трагедию, как развод? Наоборот, делает только хуже, ибо настоящая женщина должна упакиваться вусмерть на ниве домашнего хозяйства, и позор ей, если она отлынивает от этой своей великой миссии.

Нельзя жить лучше и счастливее после развода, такие мысли от лени, можно сказать, дьявольское искушение. Нормальная женщина не будет радоваться, что у нее меньше хлопот по хозяйству, нет, она просто возьмет тряпку и лишний раз помоем пол!

После развода отпала необходимость готовить по будним дням. Егор обедал в садике, она в столовке, и вечером им обоим за глаза хватало яичницы или макарон с сыром. Оба были сыты и довольны, но когда об этом узнала мама, устроила Ирине такую головомойку, что страшно вспомнить. Дочь и так безответственная неряха, а теперь вообще опускается, кормит ребенка непонятно чем, и от этого он или вырастет идиотом или не вырастет вообще. С тех пор Ирина исправно варила суп, который никто не ел, кроме унитаза. Бессмысленный перевод продуктов, но альтернатива-то какая?

Клеймо разведенки жгло так, что заглушало остальные чувства и не давало мыслить здраво. Спасти от этой боли мог только новый штамп в паспорте.

В погоне за счастьем она завела роман с женатым начальником, надеясь увести его из семьи.

Надежда сменялась отчаянием, отчаяние надеждой, но вот странность, чем яснее Ирина понимала, что Валерий не женится, тем труднее было порвать эти отношения, слишком много было вложено в них душевных сил. «А вдруг я сдамся за секунду до победы? – спрашивала себя Ирина. – Вдруг остался последний рывок? Вдруг именно завтра он решится? Нет, нельзя опускать руки».

Именно в то время она узнала от однокурсников, оставшихся работать в университете, что Чернова уличили в предосудительной связи с Мариной Хмельницкой, бывшей студенткой филфака.

Пока разлучница училась в универе, жена то ли не знала, то ли терпела, надеясь, что девушка бросит престарелого любовника сразу, как получит диплом и хорошее распределение. Но просчиталась. Чернов действительно трудоустроил свою пассию по-царски, мало того что переводчицей в «Лениздат», что уже счастье, так еще специально для нее на Ленинградском телевидении сделали еженедельную обучающую программу по английскому языку, только это не помогло. Получив желаемое, роковая женщина почему-то не устремилась в сияющие дали, бросив обглоданные косточки любовника всепрощающей жене, а осталась с Черновым. Роман продолжался, и с этим надо было что-то делать. На помощь пришла нестареющая классика. Зачем изобретать велосипед, подумала жена, и накатала в партийную организацию жалобу на аморальное поведение мужа.

Беспартийная профессура ликовала, зато коммунисты оказались в сложном положении, все же им предстояло наставить на путь истинный не какого-нибудь заблудшего божьего профессора, а собственного руководителя, который в лоно семьи, конечно, вернется, но злобу на своих увещателей явно затаит.

На всякий случай жалобу заволокнули, надеясь, что Чернов одумается сам, но не случилось. Почуяв слабинку в руководящей и направляющей руке партии, Илья Максимович при-

нялся резвиться с утроенной силой, и жена обратилась уже в горком, откуда немедленно наступали по головам и первому секретарю и всем его слабохарактерным клеветам.

...Казалось бы, университет вместе с мимолетными детскими влюбленностями давно позади, жизненные перипетии аморального секретаря парторганизации никоим образом не касаются Ирины, но, услышав эти сплетни, она едва не задохнулась от злобы, ненависти и тоски.

Однажды даже встала в субботу в семь, когда передавали повтор английского урока, чтобы посмотреть на любовницу Чернова. Имя, Марина Хмельницкая, ничего Ирине не говорило, но в лицо она узнала эту яркую девушку, обладательницу южной красоты, темной и сладкой, как кофе по-турецки.

Ослепительно улыбаясь, Марина объясняла детям тонкости применения артиклей, а Ирина по другую сторону экрана тряслась от зависти. По идее, Марину на работе тоже должны были хорошенько пропесочить за моральное разложение, может, даже и уволить, по крайней мере от эфиров устранить, потому что программа детская, и проституткам в ней не место. Но нет, вот она, стоит, светится от радости, как ни в чем не бывало.

«Почему с ней, а не со мной? Почему он выбрал ее? Разве я хуже, – Ирина схватила за голову, будто зуб заболел, и стала раскачиваться из стороны в сторону, – почему я решила, что мечты не сбываются? Еще как сбываются, только не у меня. И Чернов уйдет к ней и женится, а Валерий на мне – нет, как тогда жить? Почему судьба одним дает, что они только пожелают, а у меня отнимает даже то малое счастье, что я сама себе выцарапала? Сама придумала, сама себя уговорила, что люблю этого придурка-мужа, что он не хуже других, заставляла себя так думать, обслуживала его и восхищалась на полную катушку, так и то он ушел!»

Злая и жгучая боль, которую она испытывала тогда, вдруг всплыла в памяти с такой ясностью, что Ирина застонала в подушку. Господи, как же она тогда страдала... Вот уж правда, что хуже своего горя только чужое счастье.

В принципе роман студентки с престарелым начальником – штука тривиальная, немножко смешная, немножко грустная, но трагическая редко. Большой интерес вызвала не сама интрижка, а поведение жены, которая сделала то, что в номенклатурных кругах категорически не принято. Это тетя Клава может писать в партком на своего забулдыгу, ей нечего терять, а жена партийного руководителя дает врагам в руки оружие против своего супруга и против себя самой. Кляуза никуда не исчезнет, ляжет под сукно, и будет оттуда извлечена в нужный момент. Заграничная поездка? О чем вы говорите, Илья Максимович? Если вы изменяете жене дома, в здоровой атмосфере социалистического общества, что с вами станет на гниющем Западе, где голые бабы на каждом шагу? Вы же с цепи сорветесь и опозорите гордое звание советского человека, как только ступите на вражескую землю! Нет уж, побудьте тут, под нашим надзором. Так всем будет спокойнее, и вам, и нам. Повышение в должности? Даже не знаю... Какой пример вы подадите подчиненным? Как коммунизм строить или как интрижки на рабочем месте заводить?

Нет, сор из избы выносить нельзя. Мужа в семье удержишь, но сама же останешься на бобах, без импортных шмоток и без перспектив, рядом с человеком, который тебя не просто больше не любит, а люто ненавидит за то, что ты ему карьеру поломала.

Общественное мнение простило Чернова, ибо седина в голову, бес в ребро, снисходительно отнеслось к Марине, наивной жертве старого и опытного соблазнителя, но жену заклеимило несмываемым позором, ибо если есть что-то хуже, чем строчить доносы, то это строчить доносы на собственного мужа.

Ирина тогда ненавидела всех жен, и молодых и старых. Молодых за то, что они счастливы в браке, а старых – что крепко вцепились в своих мужиков и не хотят отпускать.

Жене Валерия она вообще каждый день желала смерти, ибо та наглым образом занимала место, предназначенное Ирине самой судьбой. «Пожила и хватит, дай другим пожить, сука старая, – шипела Ирина вместо вечерней молитвы, – сдохни, тварь, раз добром отойти не хочешь».

Время не приносило облегчения, наоборот, становилось только хуже. Вокруг появлялось все больше счастливых лиц, подружки и сослуживицы выходили замуж, кто впервые, а кто и повторно, и даже с двумя детьми, рожали, уходили в декрет, словом, вскакивали в последний вагон женского счастья, и лишь Ирина сидела на заброшенном полустанке под названием «Пустые обещания» и ждала свой поезд, который по этой ветке вовсе не ходил...

Встречаясь с подружками, работавшими в университете (их общество Ирина еще могла выносить, ибо они обе были старые девы), она обязательно как бы невзначай интересовалась, как развивается любовный треугольник. Хотелось, конечно, чтобы все получили по заслугам: Марину выволокли за косы из всех ее престижных рабочих мест и отправили работать в школу на сто первый километр, Чернова тоже выперли бы со службы и вообще из партии, а жену вроде бы изгонять неоткуда и не за что, но в спутниках жизни у нее оказался бы не высокопоставленный руководитель, а сломленный алкаш, который все равно ее в итоге бросил бы.

Такого будущего для прелюбодеев хотела бы Ирина, но увы, волна, поднятая Черновой, внезапно оказалась прибита чьей-то могущественной рукой. Илья Максимович, в устной форме получив нагоняй от товарищей по партии, спокойно ходил на службу, Марина по-прежнему объясняла с экрана детишкам разницу между «а» и «the», и даже жена жалоб больше не строчила. Так бы, наверное, все и затихло, но внезапно роман главного коммуниста, бывший интересной темой лишь для узкого круга университетской интеллигенции, сделался сплетней номер один, общегородской сенсацией.

Илью Максимовича задержали по подозрению в убийстве супруги. Арест такого крупного функционера не украшает репутацию партии, поэтому дело вели с максимальной деликатностью и скрытностью, но, к счастью, секретарь суда была замужем за опером, ведущим расследование, поэтому судебские дамы оказались в курсе всех подробностей.

Аврора Витальевна, так красиво звали супругу, якобы не пришла домой после работы. Муж якобы решил, что она поехала к сыну, жившему с семьей в Копорье, забыв его предупредить. А может быть, и не забыв, просто он не слушал.

Черновы как раз приобрели новенькие «Жигули», и Аврора Витальевна, страстная автомобилистка, обкатывала покупку, разъезжая по городу и области. Завернула к сыну полюбоваться на новорожденного внука, а там решила и заночевать, ничего удивительного. Заигралась с внуками, заболталась с невесткой, может, вина выпили за ужином, какой тут уже руль.

Сделав такое заключение, Илья Максимович спокойно проспал ночь и утро воскресного дня провел в приятной неге, попивая кофеек. Лишь к полудню его осенило, что супруга могла бы уже вернуться или хотя бы позвонить. Но и тут он не забеспокоился, решив, что жене в выходной день тоже хочется покайфовать в гамачке с книжкой и внуками, а протелефонировать мужу проблематично, ибо почта в воскресенье закрыта, а у единственного на всю деревню автомата давно оторвало трубку местное хулиганье.

Так он благодушествовал еще пару часов, пока не сообразил сделать то, что надо было сделать еще накануне вечером – спустился во двор и открыл гараж.

Черновы были счастливыми обладателями не только прекрасной квартиры в самом центре города, но и хрустальной мечты всех автомобилистов – гаража прямо в доме, переделанного из бывшей конюшни. Не какая-нибудь там железная коробка, а полноценное помещение с арочным потолком, настоящий зал. Единственное неудобство, что канализации нет, а так хоть живи в нем. Оперативник Саня, сплетничая с судебскими дамами о ходе дела, так увлекся описанием этого чудо-гаража, так восторгался, что совсем забыл о сути. В общем, машина Авроры Витальевны мирно стояла в гараже, и тут Чернов впервые заволновался по-настоящему. Якобы заволновался.

Обзвонил немногочисленных подружек жены и, поскольку с пятницы о ней никто из них не слышал, сел в машину и поехал к сыну, якобы надеясь, что жена сошла с ума и отправилась к нему на перекладных. Общественным транспортом дорога занимала около шести часов, но мало ли что взбредет в голову пожилой женщине. Возможно, заподозрила какую-нибудь мелкую поломку, побоялась рулить за сто километров, а внуков повидать хотелось очень сильно. Оперативники были твердо уверены, что под этим благовидным предлогом Чернов избавился от трупа, для чего лесистая, болотистая и безлюдная местность предоставляла гору возможностей, а заодно потянул время.

Сын последний раз видел мать в предыдущие выходные, очень беспокоился, что она не ночевала дома, хотел ехать с отцом в город на поиски, но у него две недели назад родился пятый ребенок, и оставлять еще не оправившуюся жену в деревенском доме одну с ребятишками он не решился.

Только в восьмом часу вечера, когда жена без вести отсутствовала уже вторые сутки, Илья Максимович обратился в милицию. Естественно, он не пошел в свое отделение, как простой смертный, а позвонил коллеге, секретарю парторганизации ГУВД. Тот поднял лучших оперативников, которые сработали отлично, а для Ильи Максимовича даже слишком хорошо.

В мгновение ока выяснив и про любовницу, и про доносы, и про громкие скандалы, которые соседи имели счастье слышать даже сквозь толстые стены старого дома, оперативники предположили, что Чернов убил жену то ли в пылу ссоры, то ли с заранее обдуманной целью, избавился от тела, а теперь валяет дурака перед серьезными людьми. К этой версии их подтолкнуло и то, что слишком уж невозмутимо он себя вел для человека, у которого только что пропала любимая супруга.

На всякий случай в ходе оперативно-разыскных мероприятий обзвонили больницы, morgi, транспортную милицию, обошли адреса, в которых по утверждению мужа могла бывать Аврора Витальевна, даже съездили в Копорье, но там никаких следов женщины не обнаружили.

На этом фантазия исчерпалась, и когда начальство настоятельно потребовало от оперативников результата, ребята не смогли ничего придумать кроме как задержать Илью Максимовича и добиваться от него чистосердечного признания.

Только пытать такого приличного гражданина как-то боязно, а на психологические уловки старый лис не велся, недаром имел четверть века партийной работы за плечами.

На допросах Чернов монотонно повторял одно и то же, ни разу не сбившись и не запутавшись, поэтому хоть следствие ему и не верило, но уличить во лжи не смогло.

Бедняга просидел в СИЗО неделю, пока милиционеры тщательнейшим образом шерстили все принадлежащее Черновым недвижимое имущество. С пристрастием обыскали квартиру, дачу в Петергофе, гараж и машину, но ни малейших признаков преступления не обнаружили. На всякий случай обследовали чердак и лестницу в доме, облазали ближайшие помойки – снова глухо. Перевернули вверх дном дом сына в Копорье – ничего. Или Илья Максимович был чемпионом мира по генеральной уборке, или занимался женоубийством где-то на свежем воздухе. Опрос соседей тоже ничего не дал, никто не видел Чернова выносящим из квартиры что-то хоть отдаленно напоминающее человеческое тело, и хоть супруги любили порой поскандалить, именно в эти выходные у них дома было тихо.

Работа была проделана большая и кропотливая, но в результате не нашлось даже косвенных улик, одни только предположения, а тут еще позвонили сверху и наорали, как это видного партийного деятеля посадили без санкции партийного руководства. Что это за произвол такой? Действительно, было такое правило, официально нигде не прописанное, но железное: если появлялись подозрения в отношении партийного лидера или крупного руководителя, необходимо было получить добро на его разработку в горкоме партии.

В случае Чернова ребята не озаботились сделать этот важный шаг, за что получили крупный разнос, а Илья Максимович – порцию подбострастных извинений и свободу, чтобы не

создавать прецедент. Стоит один раз позволить тронуть небожителя, как охамевшие менты начнут хватать всех без разбора, поэтому убил партийный лидер жену или нет, вопрос десятый, главное, чтобы чернь зарубила на своем носу: высшую касту просто так трогать нельзя.

Какое-то время возлагали надежды на то, что найдут тело, ведь идеальных преступлений не бывает и даже такой хитрый человек, как Чернов, не в силах все предусмотреть, а когда есть убедительные улики, то круговая порука работает уже не так хорошо.

Однако время шло, а жена Чернова не находилась ни в мертвом, ни в живом виде.

Выпущенный из тюрьмы Илья Максимович спокойно вернулся к работе, а его любовницы скандал вообще будто не коснулся. Еще несколько месяцев она появлялась на экране, пока ее не сменил лощеный типчик с тонким голосом и слащавой улыбкой.

Решив, что возмездие наконец-то настигло прелюбодейку, Ирина возрадовалась, но зря. Оказывается, Марина пропала из телевизора потому, что вышла замуж за француза и уехала. Что ж, для предприимчивой девушки иностранец из капиталистического лагеря – гораздо лучшая партия, чем любой, пусть даже самый высокопоставленный аппаратчик отечественного производства, особенно если срок годности у него практически на исходе.

Оставалось только завидовать красавице.

Время шло, Чернов больше не давал поводов для сплетен, и мало-помалу история забылась всеми, в том числе и Ириной. Она познакомилась с Кириллом, вышла замуж, родила Володю, и в счастье забыла о прежних своих невзгодах и страстях.

Почти удалось убедить себя, что она всегда была такой добродетельной женой и матерью, но вот прошлое вынырнуло из забвения и больно ударило по лицу, во всех подробностях показав ей настоящую себя.

Сейчас, лежа на кровати с подушкой, стиснутой в руках, Ирина в полной мере ощущала смысл выражения «раздавлен стыдом».

Вспоминать, что она думала в то время, чего желала ее большая уязвленная душа, оказалось мучительно, почти невыносимо. Разве жалела она Аврору Витальевну, очевидно принявшую смерть от руки самого близкого человека? Нет, ни одной секунды. Тогда ее переполняла злоба на грани с бешенством, в голове крутилась только одна мысль: «Вот есть же мужики, которые делают!» Трусливо не додумывала она, что именно делают мужики, чтобы соединиться со своими молодыми и красивыми возлюбленными. Не важно. Главное, активно идут к тому, чтобы создать новую семью, устраняют старых жен, а Валерий только завтраками кормит. Интересно, а как бы поступила сама Ирина, если бы Валерий убил свою супругу ради того, чтобы жениться на ней? Надо смотреть правде в глаза, тогдашняя Ирина простила бы любовнику этот небольшой грешок.

Только Валерий все не решался ни на развод, ни на преступление, и Ирина задыхалась от ярости и злости на него и на весь мир. Именно тогда она начала попивать.

Как странно... Неужели та злая, распущенная, почти безумная женщина была она? Да, была. И те ужасные и постыдные мысли вовсе не казались дикими, она точно помнит, что не пыталась от них избавиться и не упрекала себя за жестокие мечты. А как долго она не могла осознать, что спивается...

Кто же она настоящая? Тогдашняя или теперешняя? Можно навсегда захлопнуть эти позорные страницы жизни, но стереть написанное нельзя.

Сейчас она вроде бы добрая и хорошая, но это только потому, что у нее все хорошо. Дорогого ли стоит ее доброта, когда она счастлива? А если случится что-то плохое? Снова мутный осадок зависти и ненависти поднимется со дна души?

Ирине было так плохо, что она не слышала, как Кирилл вернулся домой, очнулась, только когда он, не зажигая света, сел на край кровати и легонько погладил ее по плечу.

– Спишь, Ирочка?

– Так, дремлю.

– Плохо себя чувствуешь?

– Все в порядке.

Кирилл наклонился, поцеловал ее.

– Ты плакала?

– Нет, с чего ты взял?

– Глаза соленые.

– Ах, это... Просто слезливость, знаешь, напала.

– Точно ничего не случилось?

Ирина улыбнулась:

– Точно, точно, не переживай. Хорошо даже, ибо в текущем моменте поговорка больше поплачешь – меньше пописаешь, актуальна как никогда.

Кирилл снова поцеловал ее:

– Ладно тогда. Но ты от меня ничего не скрывай, хорошо?

Ирина кивнула.

Вроде бы и нет у нее секретов от мужа, между ними полное доверие, а все-таки он не знает, из какой ямы ее вытащил, на краю какой пропасти удержал. И дай бог, никогда не узнает.

* * *

Олеся шла в суд с таким тяжелым сердцем, что можно было спокойно топиться, не призывая к ноге камень.

Возникла даже шальная мысль, а что, если не входить в тяжелые дубовые двери, а развернуться и, изящно перемахнув через решетку набережной, стигнуть в темных и густых водах Фонтанки? Пару минут побарахтаться, и все, конец страданиям. Только от реки невыносимо несло рыбой, а Олеся не знала, насколько здесь глубоко. Вполне может оказаться и по колено, так что не утонешь после своего прыжка, а загремишь в одно милое учреждение, где тебя добрым словом и таблетками станут убеждать, что жизнь прекрасна.

До назначенного времени оставалось еще пятнадцать минут, и Олеся осторожно подошла к мокрой чугунной решетке, посмотрела вниз. Если топиться, то перед смертью придется как следует хлебнуть этой милой вонючей водички, нет уж, спасибо.

Олеся зябко повела плечами. Темное ноябрьское утро хмурилось, тревожно мигало тусклыми огнями фонарей, огрызалось порывами ледяного ветра, и нельзя было понять, идет ли дождь, или просто тучи спустились до самой земли.

В такую промозглую погоду хорошо дома, ждать семью с горячим обедом, а вечером всем вместе собраться перед телевизором, долго пить чай и ждать прогноз погоды, в надежде, что завтра выглянет солнце и все изменится к лучшему. Не изменится. Все ее погожие деньки прошли.

Ноги озябли и слегка, кажется, промокли, но Олеся все оттягивала миг унижения, все гладела в низкое серое небо, такое темное, что казалось, солнце никогда на нем не взойдет.

Как ни хорохорься, а видно, что она никто. Не получится спрятать свою горькую долю под бравадой свободной женщины «ах, наконец-то я избавилась от этого недоразумения в виде мужа и живу на всю катушку». Сразу по ней видно, что не живет.

Сапоги старые, одежда скромная, но не это главный показатель. У свободной женщины на голове не бывает переходного периода между стрижкой и длинными волосами, и маникюр она не делает себе сама. А лицо у нее веселое и свежее от счастья и комплекса косметических процедур.

Все это у Олеси было в прежней жизни. Но после развода у парикмахерши вдруг образовалась огромная очередь, маникюршу поглотили семейные проблемы какого-то эпического

размаха, а косметолог, услышав в трубке Олесин голос, немедленно собиралась на курсы повышения квалификации. Никак к ним стало не попасть.

Наивная Олеся не сразу догадалась, что, расставшись с мужем, она для этих женщин сделалась теткой с улицы, которой не место в элитном заведении для нужных людей. Салон красоты был чем-то вроде клуба, где за стрижкой, маникюром и масочками жены решали важные вопросы. Финская стенка в обмен на поступление в институт, госпитализация в престижную больницу за дефицитные шмотки, хорошее трудоустройство гарантировало продвижение в очереди на жилье или на машину, а через Олеся можно было устроить отсрочку от армии или, наоборот, место в военном училище.

Многие жены обожали крутить эти схемы, устраивая и доставая с большой выгодой для себя, а Олеся сторонилась. Однажды она, тогда еще совсем юная и неопытная генеральша, пообещала своей парикмахерше протекцию в летное училище, так муж чуть не прибил ее после этого. «Надо же понимать, кому помогать, – орал он, – сейчас наберем кухаркиных детей, а когда по-настоящему нужный человек попросит, что? Скажем, извините, места нет? Даже такая овца, как ты, должна понимать такие вещи, а ты только ставишь под удар репутацию семьи. Этому быдлу только дай палец, руку откусят. Как узнают, кому я помог, сразу со всего города водопроводчики с просьбами потянутся». Олесе этот скандал показался похожим на эпизод из «Войны и мира», где княгиня Друбецкая просит о помощи князя Василия, и она еще подумала, как странно, время идет, общественный строй меняется, а люди остаются людьми, и мотивы у них такие же, как и сто, и тысячу лет назад.

Парня муж тогда все-таки устроил, чтобы показать свое могущество и широту души, и парикмахерша в принципе могла бы это помнить. Но правду говорят, что уже оказанная услуга ничего не стоит.

Простую советскую женщину, если она не имеет доступа к дефициту или не сует трешку в карман, обслуживают настолько плохо, насколько это возможно. Постригут так, что мать родная не узнает, и не потому, что не умеют, а чтобы понимала свое место в этой жизни. Олеся понимала, и, не располагая лишней трешкой, в парикмахерскую не совалась. Некогда ультрамодная стрижка отросла настолько, что приходилось носить дочкин детский обруч. Только в последние недели стало возможным собрать волосы в очень короткий хвостик, слишком молодой для сорокапятилетней женщины.

Прическа – это еще полбеды, особенно зимой, когда можно спрятать голову под шапку, а вот руки выдают свою хозяйку самым предательским образом.

Как она ни старается, а видно, что маникюр сделан не в салоне. Одна надежда, что с практикой придет и мастерство, а пока нет. Пока это весьма отдаленное подобие того, с чем она привыкла ходить в замужней жизни.

Про лицо вообще вспоминать не хочется. Стареет в полное свое удовольствие, а как иначе, когда крем «Томатный» Николаевской фабрики «Алые паруса» это уже роскошь.

Фигура только осталась неплохая, спасибо разводу, забравшему у Олеси весь лишний вес, но это в двадцать лет никто не посмотрит, чем обтянута твоя упругая попа, а в сорок пять с точностью до наоборот. Никому и дела нет, что скрывается под унылыми старыми шмотками.

Олеся тяжело, с подвыванием, вздохнула. Надо идти, явить новым знакомым себя саму – жалкую замухрышку без будущего. И без прошлого, что уж там.

Зачем только она вчера звонила мужу? Воспоминание отозвалось похмельной болью.

Муж уходил благородно, с одним чемоданом, оставив ей семейные накопления и обещав помогать материально. Сказал, что это будет справедливо, потому что Олеся не имела возможности развиваться профессионально, посвятив себя семье. «Правда, это был твой выбор, а не мой, – добавил он, – ну да ладно...»

Тогда у нее на секунду мелькнула надежда, что раз у него чувство вины перед женой победило природную прижимистость, то, может, он и вовсе передумает разводиться.

Не передумал, а семейных накоплений на книжке обнаружилось всего двести рублей. Олеся старалась не тратить этот НЗ, пару раз только взяла на билеты, чтобы съездить навестить сына и дочь, по которым ужасно скучала.

Их без особой волокиты развели в загсе, и, получив заветный штамп, муж исчез из жизни Олеси, будто его и не было. Даже с Новым годом не поздравил.

Только месяца через три она осмелилась позвонить ему и напомнить о деньгах. В ответ услышала, что раз обещал, то даст, когда нужно, и столько, сколько сочтет нужным, а она пусть учится рационально расходовать деньги хотя бы сейчас, раз за столько лет брака не овладела этим навыком.

Олеся послушно училась и ждала, а вчера, напуганная созерцанием собственных колготок, решила напомнить о себе снова. Трубку взяла его молодая жена.

Олеся попросила позвать Александра Андреевича.

– А кто его спрашивает?

Олеся представилась, хотя понимала, что ее прекрасно узнали по голосу.

– И что вам надо от Александра Андреевича?

– Поговорить.

– О чем?

– Вика, позови его, пожалуйста, мы сами решим.

В трубке засмеялись:

– Еще раз спрашиваю, что тебе от нас надо, попрошайка несчастная?

– Что?

– Что слышала! Хватит уже нас доставать!

– Вика, позови Александра Андреевича, мне нужно с ним поговорить, а перед тобой не собираюсь отчитываться.

– Да и не надо, я и так знаю, что деньги будешь кланчить!

Олеся бросила трубку, как раскаленную, потому что это была правда.

Щеки вспыхнули от унижения и боли. Зачем она только позвонила, знала же, что так будет. Ах, Вика, Вика, такая хорошая девочка была, тихая, вежливая... Олеся очень радовалась, что дочка, поступив в институт, выбрала в подружки ее, а не какую-нибудь отвязную курящую девицу.

Скромная Вика приходила, заглядывала в глаза «Олеся Михайловна, чем помочь, Олеся Михайловна, ой, а как это у вас так получается, Олеся Михайловна...»

Олеся таяла, ибо от родной дочери она никогда такого поклонения не видела. Чтобы Машка спрашивала у матери, как лучше приготовить обед? Зачем? Дураку же понятно, что как можно быстрее, чтобы разделаться с тягостной обязанностью и умчаться по своим делам. А что котлеты бесформенные и разного размера, так ну и что? Чай, не в ресторане.

Олеся очень надеялась, что рядом со скромной и наивной Викторией ее бойкая дочка станет мягче и женственнее, приохотится к домашним делам, но куда там... Хорошо хоть, муж Машке понимающий попался, но поди знай, надолго ли хватит его терпения.

Когда Олеся узнала, что Вика приехала учиться из Лодейного Поля, в ней проснулся материнский инстинкт. Хотелось накормить, обогреть, утешить несчастного ребенка, потерявшегося в большом городе, и Вика, как ей казалось, принимала заботу с большой благодарностью. Она довольно быстро сделалась своей в семье. Подруги потом говорили «вползла как змея», а самой Олесе приходила на ум камнеломка. Маленькое безобидное растение, растет, цветет, а камень под ней трескается.

Узнав о разводе, подруги прилетели с утешениями, кляли разлучницу самыми черными словами, придумывали, как побольнее отомстить сопернице. Впрочем, кроме писем в деканат и комсомольскую организацию, ничего дельного они не могли предложить, а Олесе было так

плохо, что сил на ненависть и месть не хватало совершенно. Какие тут злобные планы, если ты с трудом заставляешь себя дышать?

Еще подружки картинно разводили руками, удивляясь, как Олеся могла ничего не замечать. «Какие-то признаки наверняка были!» – восклицали они, жадно вытягивая шеи, наверное, хотели узнать зловещие симптомы, чтобы вовремя заметить их в собственной семье.

Может, и были, но Олеся пребывала в счастливом неведении до той самой секунды, когда муж заявил, что он все обдумал и решил. Она настолько не замечала, что творится у нее под носом, что далеко не сразу поняла, к кому именно ушел ее муж – человек, бок о бок с которым она провела двадцать пять лет. На два года больше, чем Вика жила на этом свете.

Всего за неделю до ухода мужа они на этой самой кухне лепили пельмени. Машка, как всегда, отлынивала, а Вика старалась, и выходило у нее аккуратно, ловко, просто загляденье. Олеся с удовольствием наблюдала за проворными пальчиками девушки и прикидывала ее в свои невестки, понятия не имея, что та уже всю спит с ее мужем и втихомолку посмеивается над поверженной и никому не нужной старухой.

И все же Олеся не могла возненавидеть Вику. Какой смысл винить любовницу в том, что жена мужу опротивела? Она сама разрушила свой брак, опростилась, обабилась, с ней стало неинтересно, вот и все. Совершила типичную ошибку женщины средних лет, решила, что муж никуда не денется, раз они столько лет вместе, и расслабилась. Набрала килограммов пять, не заботилась о том, чтобы скрывать перед мужем подступающий возраст. Вообще не интересовалась, каково ему с ней, считая, что раз накормлен, обстиран, обглажен и освобожден от всех бытовых забот, то и хорошо. Оказалось, нет, ему было невыносимо. Она тупая и ограниченная раскисшая баба, от которой его тошнит. Он столько лет терпел ее ради детей, а теперь больше не может.

Олеся сама во всем виновата, а Вика ни при чем, просто под руку подвернулась. Сама виновата, только сама, ну немножко еще перестройка. Если бы не это проклятое новое мышление, то муж терпел бы дальше, стиснул зубы, но терпел, ибо в прежние времена развод ставил на карьере жирный крест. А теперь ничего, пожалуйста, меняй жен, сколько твоей душеньке угодно.

Очень соблазнительно возненавидеть Вику, переложить на нее всю вину и ответственность, но не получается. Даже ее подловатое поведение не заставляет сердце биться быстрее от ярости. Совсем молодая девчонка с детской жадой счастья, что с нее взять. Олеся даже жаль ее немного было. Точнее, не так. Не жаль, а материнский инстинкт прорывался сквозь обиду брошенной женщины, она хотела предостеречь Вику, объяснить, что связывать свою жизнь с мужчиной на четверть века тебя старше – не самая лучшая идея.

Но Вика, естественно, слушать не стала. Она ж не идиотка, принимать советы от соперницы и злейшего врага, в самом-то деле!

Пока шли юридические процедуры, Вика вела себя тише воды, ниже травы, Олеся Михайловна, простите-извините, ничего мне от вас не надо, кроме вашего супруга, но стоило получить заветный штамп в паспорте, изменилась на сто восемьдесят градусов.

Льстивый голосок сменился чеканным стальным тоном: «Олеся Михайловна, здесь нет вашего мужа. Здесь мой муж, которому вы никто, и чем скорее вы это поймете, тем лучше для вас же». Услышав эту отповедь, Олеся смогла только пробормотать: «Я мать его детей». На что получила: «Его дети уже выросли».

А вчера вот попрошайкой обозвала. От холодной непреклонности перешла к оскорблениям, не иначе как забеременела.

Олеся улыбнулась. Хорошо бы посмотреть на малыша, все-таки не чужой будет. Говорят, на загнивающем Западе люди после развода продолжают спокойно общаться и даже дружат, ходят в гости. Вот бы ей дали понянчить маленького, она так соскучилась по детям! Внуков

когда еще дождется, и расти они, скорее всего, будут вдали от нее. А этого младенца она с удовольствием помогла бы растить лицемерке и разлучнице Вике.

Вот надо, надо ее ненавидеть, а не получается! С другой стороны, что толку? Подруги Олеси ненавидели Вику страстно, проклинали на чем свет стоит, а теперь принимают в своих домах как ни в чем не бывало, а про Олеся даже не вспоминают. Не звонят даже, будто она не развелась, а умерла.

Немного щемит сердце оттого, что дочка не рассорилась с подружкой, но ее тоже понять можно. Машка поступила как умный и взрослый человек, и заставлять ее хлопать дверьми и ставить ультиматумы очень глупо. Так она лишится не только мужа, но и дочери.

С трудом потянув тяжелую дверь, Олеся вошла в вестибюль суда, ежась от неловкости. Она всегда очень робела перед незнакомыми людьми и старалась сделаться как можно незаметнее. Олеся стеснялась себя с тех пор, как впервые пришла в класс хореографии, зная, что другие девочки – настоящие балерины, а она – неуклюжая дура, которую взяли по блату только для того, чтобы исправить ужасную осанку.

* * *

Ирина напрасно волновалась перед встречей с прошлым. Сердце даже не шелохнулось, когда она увидела Чернова в коридоре. Грызло чувство вины, досада за прежние ошибки, за неправильно прожитую молодость, но к Илье Максимовичу это не имело отношения.

За прошедшие годы он мало изменился, разве что виски стали совсем белыми, а вообще остался в точности таким, как Ирина его помнила. Сухопарый, горбоносый, он был все еще интересным мужчиной, несмотря на годы, но Ирина, видимо, повзрослела, и темное дьявольское обаяние больше на нее не действовало.

Спокойно выдержав пристальный взгляд Ильи Максимовича, Ирина набрала воды в банку и вернулась к себе, чтобы спокойно подкрепиться перед процессом.

Заседатель Синяев, симпатичный круглолицый дядечка, умчался в столовую, а его коллега неприкаянно бродила по коридору, прямой спиной, легким шагом и вывернутыми кнаружи носочками выдавая свое балетное прошлое.

Она вообще выглядела потерянной, будто не от мира сего, и, как ни хотелось Ирине побыть одной, пришлось пригласить Олеся Михайловну разделить с ней трапезу.

– Ой, что вы, – начала та отнекиваться, а Ирина, не тратя лишних слов, взяла ее под руку и повела к себе.

– Так неудобно, я ничего и не взяла, – бормотала Олеся Михайловна, садясь на самый краешек стула.

– Это не страшно, у меня есть пряники и бутерброды с колбасой, – Ирина заглянула на полку шкафа, где у нее вместе с чаем и сахаром хранилось несколько разномастных кружек. – Какую чашку хотите, с розочками или с корабликом?

Улыбка оживила узкое усталое лицо женщины:

– С розочками, наверное, а вообще какую вам не жалко.

– Хорошо.

Не успела Ирина постелить на уголок стола салфетку, как в дверь постучали, не дожидаясь ответа, открыли, и на пороге показался Чернов.

– Не помешаю?

Ирина пожала плечами, но комиссарская привычка вламываться без доклада в любые двери не подвела Илью Максимовича и в этот раз.

– Я буквально на секундочку, – заявил он, входя.

– Илья Максимович, поскольку я рассматриваю ваше заявление, то нам с вами общаться вне зала суда не вполне этично. Заседание начнется через двадцать минут, тогда и выясним все вопросы.

– О, вы знаете мое имя? Откуда? – Чернов смотрел на Ирину холодно и испытующе. – Впрочем, мне ваше лицо тоже кажется знакомым. Нет, не вспомню...

– Я училась в университете.

– Ах да, я мог бы догадаться.

– Извините, Илья Максимович...

– Я понял. Только хотел спросить, что будет, если жена вернется?

– То есть?

– Мы признаем ее умершей, а она вернется, что тогда будет?

Ирина нахмурилась, пытаясь изобразить сочувствие:

– Илья Максимович, простите, но...

– Да знаю, знаю! Только я не верю, что ее нет в живых! – сказал Чернов деревянным голосом. – И вот я спрашиваю, что нам делать, если она найдется после того, как ее... ну вы понимаете.

– Придется доказывать, что она – это она, восстанавливать права...

– А наказание какое-нибудь предусмотрено?

– За что? – удивилась Ирина.

– За такое долгое отсутствие.

– Ну это смотря чем человек занимался. Теоретически можно предъявить нарушение паспортного режима, но на практике не думаю, что кто-то всерьез этим озаботится.

– То есть жене ничего не грозит? Просто не хотелось бы ей повредить...

Ирина подошла к двери:

– Илья Максимович, я и так нарушаю правила, разговаривая с вами. Обещаю, что рассмотрю ваше дело самым внимательным образом, и вынесу решение, только если у меня и моих коллег возникнет внутреннее убеждение, что...

Тут Ирина осеклась, не зная, как деликатно сформулировать «что ваша жена мертва».

– Спасибо, – кивнул Чернов.

– А больше мне пока нечего вам сказать.

Тут Илья Максимович наконец-то понял намек и удалился.

В банке весело булькала вода, Ирина выдернула кипятильник из розетки и взялась за полотенце.

– Давайте я, – Олеся Михайловна аккуратно взяла банку и, отогнав Ирину от стола, разлила кипяток по чашкам. – В вашем положении надо быть очень осторожной.

Ирина подвинула ей тарелочку с бутербродами:

– Угощайтесь, пожалуйста.

– Спасибо, – прошептала Олеся, но так и сидела, сложив руки в замок, пока не сообразила, что Ирина первая есть не начинает. Тогда она взяла самый черствый пряник и откусила от него маленькую крошечку.

– Будем считать, что никто сейчас сюда не приходил, – сказала Ирина, – правила нарушены, но не могла же я силой вытолкать его из кабинета.

– Такой неприятный человек! – вздохнула Олеся Михайловна. – Главное, вы ясно его попросили уйти, а он хоть бы что. Гнет свою линию, скажите то, скажите это... Мог бы просто не подавать иск, если так любит жену и верит, что она жива.

Ирина улыбнулась:

– Увы, Олеся Михайловна, жизнь есть жизнь. Когда человек умирает, то все его земные дела разрешаются, а имущество переходит по наследству, но если пропадает без вести, то образовывается пустота, которую заполнить очень трудно. С пропавшим нельзя развестись по

обычной процедуре, распоряжаться его имуществом тоже невозможно, не имея на руках доверенности, в общем, ситуация весьма неопределенная. Потом, это очень тяжело морально, ожидание изматывает, и, наверное, после пяти лет метания между отчаянием и надеждой хочется поставить точку хотя бы с помощью суда. Перестать ждать хотя бы официально, и только в глубине души немножко верить, что человек вернется.

Олеся Михайловна покачала головой:

– Чернов точно знает, что жена не вернется, – сказала она тихо.

Илья Максимович не пригласил адвоката, что для человека в его положении было довольно странно. Зачем самому биться лбом о судебную бюрократию, когда можно попросить ушлого и опытного специалиста? Может быть, не хотел, чтобы этот ушлый и опытный специалист слишком пристально взгляделся в дело исчезнувшей жены?

И это беспардонное появление в кабинете... Перед тем, как подать иск, Чернов мог узнать все правовые последствия для себя и для жены в любой юридической консультации у дежурного адвоката. Почему надо было лезть к судье и впопыхах, в последний момент уточнять, не навредит ли это любимой супруге? Потому что он и так прекрасно знал, что не навредит. Мертвецам все равно.

Цель у этого спектакля была совсем другая – показать судье, что он ждет и верит, будто жена еще жива, стало быть, к ее исчезновению он не причастен. Только вот плохой Чернов актер. Не до такой степени плохой, чтобы трагически заламывать руки и закатывать глаза, но все-таки плохой. И спектакль вышел дешевым, а потому неубедительным.

Ирина вздохнула. Недавно по телевизору показали фильм «Служили два товарища», а вслед за ним диспут школьников на извечную тему «оправдать виновного или осудить невиновного». Дети надрывались, спорили, временами сбиваясь в совсем не детскую демагогию, но в итоге пришли к выводу, что казнить невиновного ни в коем случае нельзя.

Ирина была согласна с этим гуманистическим посылом, и в своей работе всегда трактовала сомнения в пользу обвиняемого, но, черт возьми, как больно смотреть на убийцу, избежавшего наказания благодаря уму и хитрости!

Сейчас они признают Чернову умершей, тем самым поставят точку в этом долгом деле, и все. Илья Максимович станет честным вдовцом, сможет распоряжаться имуществом жены и жениться в полное свое удовольствие. Марина Хмельницкая, ради которой он пошел на преступление, обманула, не дождалась, ну да ничего. Мало ли молоденьких красоток, готовых украсить бодрую старость высокопоставленного чиновника?

Ирина закрыла глаза, вспоминая тот единственный раз, когда она видела Аврору Витальевну живой. Перед глазами ясно, как наяву, возникло веселое и доброе лицо. Руки тоже вспомнились, большие, с набрякшими венами и коротко стриженными ногтями, почти мужские. То были руки много и тяжело работавшего человека, но тогда Ирина думала только о том, насколько лучше смотрятся ее собственные тоненькие ухоженные пальчики.

Поставив чашки на бортик раковины, Ирина посмотрелась в зеркало, и вдруг возникло странное, почти мистическое чувство, будто Аврора Чернова зовет ее из прошлого, но не как это делают мертвецы в страшных сказках, а совсем наоборот. Будто ободряет и прощает.

Ирина быстро умыла лицо холодной водой, прогоняя наваждение.

В глубине души Ирина надеялась, что какая-нибудь недостающая бумажка позволит ей перенести заседание, что с учетом предстоящего декрета означало передачу дела другому судье, но Илья Максимович основательно подготовился к процессу, собрав все необходимые документы. Представил справку из милиции, выписку из домовой книги, паспортного стола и из отдела кадров по месту работы Черновой, и даже справку из поликлиники о том, что за последние пять лет Аврора Витальевна не обращалась за медицинской помощью. Свидетели тоже были приглашены и даже явились в суд, так что пришлось начинать заседание.

Чернов держался с холодной вежливостью, которой хотел то ли скрыть презрение аристократа к плебсу, то ли, наоборот, подчеркнуть, но формально упрекнуть его было не за что.

Моноotonно, будто ученик, отвечающий у доски материал, к которому у него нет никакого интереса, Илья Максимович рассказал, что пять лет назад жена не вернулась домой после суточного дежурства, и с тех пор никто ее не видел и не слышал, несмотря на все поиски, в которых участвовала милиция, семья, друзья, а также сослуживцы.

– Мы ищем до сих пор, – сказал он с тяжелым вздохом. – Но время идет, и надежды остается все меньше.

«Я бы тебе поверила, если бы у тебя хоть один мускул дрогнул на физиономии. Хоть бы тень промелькнула в твоих пустых глазах... А вздохи твои картинные никого не убедят. А ну-ка, проверим, надолго ли хватит твоего самообладания, – ухмыльнулась Ирина про себя, – скоро ли ты начнешь злиться или растеряешься? Это не по процедуре, конечно, но могу я хоть раз в жизни воспользоваться служебным положением в личных целях, в конце-то концов?»

– Ваша жена должна была вернуться в субботу утром, одиннадцатого апреля, верно?

– Верно.

– А в милицию вы обратились только двенадцатого вечером?

– Да.

– Почему так долго ждали?

Чернов пожал плечами:

– Я знал, что заявление о пропаже принимают только через трое суток, и не хотел, чтобы меня отфутболили, да еще и нахамили вдогонку. Реальной помощи я от них не ждал, и, к большому сожалению, время показало, что я был прав. Ну и, главным образом, я был уверен, что жена с минуты на минуту даст о себе знать.

– То есть вы считаете, что сотрудники милиции не помогали вам искать жену? – спросила Ирина.

– Нет, почему же, помогали, и довольно активно, – на лице Чернова впервые появилась улыбка. – Например, целую неделю пытались убедить меня, что это я ее убил.

– Илья Максимович, если вы утверждаете, что сотрудники милиции не искали вашу жену должным образом, то вы ставите суд в сложное положение, – отчеканила Ирина. – На каком основании суд объявит человека умершим, если выяснится, что к его розыску не были приняты надлежащие меры?

– Извините. Я не это имел в виду.

– Илья Максимович, попрошу вас в дальнейшем воздержаться от иносказаний и фигур умолчания. Вы находитесь в суде! – «А не на партсобрании», – мысленно закончила Ирина, с запозданием вспомнив, что обещала Павлу Михайловичу разбирать дело его приятеля со всей возможной мягкостью и деликатностью.

– Нет, по формальным позициям они отработали добросовестно. – Чернов снова издал фальшивый вздох. – Но жену ведь так и не нашли.

– И вы сами до обращения в милицию тоже ее не искали целые сутки? – внезапно встрял заседатель Синяев.

Илья Максимович пожал плечами:

– Жена часто задерживалась на службе. Она работала операционной сестрой в больнице «Скорой помощи», а там постоянно аврал, сами понимаете. Поэтому, когда она не вернулась вовремя, я подумал, что или очередной быстренький аппендицит оказался многочасовой непроходимостью, или привезли сложный случай, и хирурги попросили жену остаться, как самую опытную сестру.

– Но не на сутки же!

– Бывало, что и на сутки. Если сменщица заболела, куда деваться? Правда, в таких случаях Аврора обычно меня предупреждала. Или сама, или просила санитарку позвонить, если никак нельзя было отвлечься.

– А сами вы не могли ей на работу позвонить? – не унимался Синяев.

– Почему же, мог. И позвонил. Сначала трубку не брали, вот я и решил, что все заняты в операционной, и успокоился, а когда перезвонил через пару часов, мне сказали, что дежурство выпало тихое, и Аврора уехала домой вовремя. Тогда я решил, что она, раз удалось ночью отдохнуть, сразу после работы отправилась к сыну.

– А вас почему не взяла с собой? Выходной же день был!

Чернов пожал плечами. Синяев, несмотря на простодушную физиономию, оказался въедливым мужичком, но Илья Максимович пока держался.

– Больница, где работала жена, находится на выезде из города как раз по дороге в Копорье, – сказал он все так же бесстрастно. – Ей удобнее было стартовать оттуда, не делая крюк через весь город. И если это так важно, она часто ездила к сыну одна. Помогала с внуками.

– А сын ваш, кстати, почему не пришел? – сурово спросил Синяев. – Все-таки такое событие, мог бы и поддержать отца.

В лице Чернова промелькнуло что-то человеческое:

– Он у меня мальчик ранимый... Да и потом, когда у тебя пятеро детей, а ты фельдшер ФАПа, особо не вырвешься. Даже по такому печальному поводу.

«Как интересно, – невольно подумалось Ирине, – у секретаря парторганизации целого университета сын – фельдшер... Нонсенс вообще, сапожник без сапог. У такого папаши даже круглого дурака докатили бы до диплома – так что помешало? Впрочем, учитывая пятерых детей и жизнь в деревне, понятно что. Ранимый мальчик алкоголик или даже наркоман, причем неуправляемый, которого пришлось срочно спрятать от посторонних глаз, пока он своими выходками не утянул всю семью на дно. Вот и услали сыночка в Копорье, а там он нашел себе женщину и в знак протеста принялся безудержно размножаться. В принципе это объясняет, почему Чернов решил, что Аврора уехала к сыну. Наверное, он дошел до такой стадии, когда его постоянно надо было контролировать, и обремененная многочисленным потомством жена уже не справлялась в одиночку с этой миссией».

Вывести из себя Чернова так и не удалось. Все с таким же отстраненным и равнодушным видом он рассказал то, о чем Ирина в принципе и так знала из сплетен, и пришлось отпустить его со свидетельского места.

Следующей выступала старшая сестра операционного блока, где работала Аврора Витальевна. Она показала, что последний раз видела Чернову в субботу утром на пересменке и запомнила ее в хорошем настроении. Та радовалась, что впервые за много месяцев выдалась спокойная ночь, так что получилось и вздремнуть, и надеть четыре бикса материала.

– Никто не умел так аккуратно складывать салфетки, как Аврора! – воскликнула сестра, и Ирине вдруг стало грустно от этого всплеска человечности среди казенной атмосферы суда.

– А она говорила, куда собирается?

– Да вроде нет... Я же не знала, что так получится, поэтому особо не вникала.

– А вообще как у нее было настроение? – спросил Синяев, в активности которого Ирина уже предчувствовала для себя головную боль. – Она не говорила, что собирается уехать куда-нибудь или бросить семью?

– Аврора-то? – сестра улыбнулась. – Нет, конечно.

– Не жаловалась на жизнь?

– Ну что вы! Она вообще была очень замкнутая, ничем не делилась.

– Не хотела сор из избы выносить?

Сестра пожала плечами:

– Не в этом дело. Поймите, товарищи, она была хорошая женщина, но какая дружба, когда мы после смены давимся в автобусе и стоим в очереди за продуктами, а она рулит на своей машине в закрытый распределитель? Понимаете?

– Честно говоря, не очень, – фыркнул Синяев.

– Ну как же... У кого щи пустые, а у кого жемчуг мелкий, – засмеялась медсестра. – Завидовали мы ей, что уж тут скрывать, и Аврора прекрасно понимала, что мы это мы, а она это она, и живем мы в разных мирах и по разным правилам.

– То есть Чернова была грубая и высокомерная?

– Нет-нет, совсем наоборот. Знаете, есть такие люди. Со всеми хорошо, по-доброму, а будто с другой планеты прилетели. Вот смотрите, товарищи судьи, был у меня печальный опыт с дочкой одного товарища. Девушка только хвостом перед врачами крутила, ничего делать не хотела, а слова поперек ей не скажи, папа рассердится. Намучилась я с ней, еле-еле выдала замуж за хирурга и спланировала декрет, только дух перевела, и тут пожалуйста! Получите теперь жену! Как я расстроилась, думаю, господа, это опять между двух стульев мне сидеть! Не будешь потакать капризам блатной тетки, от начальства получай, а будешь, так остальной коллектив не удержишь. А что вы хотите, товарищи, жизнь есть жизнь... Я мысленно уже с должностью простила, но Аврора оказалась, пожалуй, лучшей сестрой из тех, кого я знала, и трудовая дисциплина у нее была на высоте. Любую черную работу выполняла, придрататься буквально было не к чему.

– Так это же хорошо, – сказал Синяев.

– Даже слишком. Некоторые бы хотели, чтобы она хуже работала.

– Зачем? – удивилась Ирина.

– Ну как же. Трудно о чем-то просить человека, если ты ничем не сможешь его отблагодарить. Ну раз, ну два, а на третий ты или сам застесняешься, или тебя пошлют подальше. А вот если ты за этого человека прогенералил...

– Что сделал? – перебил Синяев, а Ирине остро захотелось дать подзатыльник не в меру активному заседателю. Но придется терпеть, она сама разрешила ему задавать любые вопросы.

– Генеральную уборку, – терпеливо пояснила сестра. – Или если ты прикрыл его опоздание, то уже имеешь полное моральное право требовать ответной услуги. Аврора же таких поводов не давала, но всегда шла навстречу, если что-то серьезное. Лекарство там достать или устроить ребенка в хорошую школу. В трудную минуту на нее можно было положиться, но душу она не выворачивала ни себе, ни другим. Мы не знали, как она живет, и она у нас не спрашивала. Знаете, утешители на твою беду всегда найдутся. Все у тебя выпросят, душу вынут, посмакуют твою горе, потом объяснят, почему они ничем не могут помочь, и исчезнут. А Аврора была не такая. Что, почему, страдания твои, ей это вообще неинтересно было. Хочешь – плачь, хочешь – смейся, твое личное дело, только завтра поезжай в такую-то аптеку, там тебя ждет нужное лекарство. И не благодари.

– И вы не благодарили, – вдруг прошелестела со своего места Олеся Михайловна.

Сестра хмыкнула:

– Да как сказать! Вообще это ей было с нами скучно. Мы люди простые, а у нее в голове сплошное искусство. Идет на работу, обязательно толстый журнал под мышкой – или «Новый мир», или «Юность». Как сядем чай пить, начинается: «читали то, читали это», а нам сказать нечего. Мы не то что не читали, даже не слышали. Правда, была у нас одна девчонка, которая хотела в институт поступать, она да, спрашивала насчет школьной программы по литературе, так Аврора прямо преображалась вся. Как заведет про Наташу Ростову, глаза горят, аж смотреть страшно.

– Возможно, с этой девушкой у Черновой возникли близкие и доверительные отношения?

– Ой, что вы! Там вообще не в коня корм! – медсестра засмеялась. – Все эти Аврорины лекции были жутко умные, но это как ведро выливать в наперсток. Аврора три часа распинаялась про тонкости разные, а Аньке лишь бы выучить от сих до сих. Онегин – лишний человек, Базаров – нигилист, и всё, и спасибо. Больше не надо. Чернова вообще больше с врачами общалась, правда, те хоть и с высшим образованием, но времени еле-еле хватает книги по специальности читать, до возвышенного искусства им дела тоже особо нет.

– Так, может, она с кем-то из докторов дружила? – продолжал допытываться Синяев, а Ирина прикидывала, как его уговорить, не подрывая авторитета народного суда.

Теперь, через пять лет, какая разница, с кем дружила Чернова, с кем делилась секретами и сокровенными мыслями, и даже какой она была, тоже не важно. Это в уголовном процессе важна характеристика личности потерпевшего и подсудимого, а тут – зачем? Только беречь душу Чернову...

Медсестра немного подумала и решительно сказала:

– Нет! Врачи перед ней заискивали, конечно не без этого, но чтобы с кем-то она откровенничала, так нет. У нас еще так сложилось, что зав хирургией и зав реанимацией страшные женоненавистники, брали на работу только мужиков, а тут сами понимаете... Если мужчина и женщина на работе начинают тесно общаться, то никто никогда не поверит, что они вместе просто книжки читают.

После этой назидательной сентенции свидетельница наконец сообщила то, ради чего и была вызвана в суд. После одиннадцатого апреля Аврора Витальевна на работе не появлялась, о причинах своего отсутствия не сообщала, за зарплатой не приходила и за эти пять лет ни разу не дала о себе знать. Трудовая книжка ее так и лежит в отделе кадров.

Ирина объявила перерыв пятнадцать минут, надеясь размять затекшую от долгого сидения спину, а заодно приструнить ретивого Синяева. Но прежде пришлось сбегать в туалет, потому что, хоть она на исходе беременности в целом чувствовала себя неплохо, мочевой пузырь с трудом выдерживал долгие судебные разбирательства.

Когда она вернулась к себе, активный Синяев скакал по кабинету и первый накинулся на Ирину, прежде чем она успела вымолвить хоть слово:

– Нет, вы подумайте, товарищ судья! Это же уму непостижимо!

– Что именно? – оглядевшись, Ирина заметила Олесю Михайловну, робко съезжившуюся на стуле в самом дальнем углу кабинета, парадоксальным образом не теряя при этом балетной осанки.

«Выгоню этого буйного к чертям собачьим в комнату нарзасов», – решила Ирина, с трудом пролезая за свой письменный стол, понимая, что сдержать это обещание у нее духу не хватит.

Сейчас бы на диванчике полежать оставшиеся семь минут в тишине и одиночестве, но нет. Жажда истины и справедливости не заткнешь.

– Как это, жена домой не пришла, а он в ус не дует! – возмущался Синяев, прыгая по тесному кабинету.

– Мне кажется, Чернов объяснил ход своих мыслей вполне удовлетворительно, – процедила Ирина.

– Ничего себе удовлетворительно! Лично я не знаю, что бы сделал, не приди моя половина ночевать домой! Весь город бы обегал, а нашел, где она прячется.

Ирина пожала плечами.

– Вот я вижу, товарищ судья, вы женщина замужняя, положительная, так я вам скажу, если жена дома не ночевала, то веры ей нет!

– Разные бывают обстоятельства.

– Да что вы? А муж ваш не придет, что вы тогда запоете?

Ирина нахмурилась. А и правда, что? Кирилл себе такого никогда не позволял. Пару раз зависал со своим закадычным дружкой Зейдой, но всегда предупреждал заранее и звонил ей перед сном даже из алкогольной комы.

Когда-то давно, в прошлой жизни, о которой не хочется вспоминать, случалось с ней такое. Первый муж где-то пропадал до утра, потом Ирина, всю ночь промаявшись без сна, выслушивала небрежно придуманные байки о срочной работе и из последних сил заставляла себя верить. Тогда она готова была вообразить себе что угодно, лишь бы только не смотреть правде в глаза: она вышла замуж за недостойного человека, и брак ее мертв.

Что ж, когда ради великой цели быть замужем ты идешь на любые жертвы, то закроешь глаза на ночные отлучки супруга, но если у вас нормальные отношения двух нормальных людей, которым нравится быть вместе, то подобные фортели ты, мягко говоря, не поймешь.

А мужчины вообще воспринимают измену острее. Во всяком случае агрессивнее, и прощают труднее. Если не придет ночевать она сама, то ничто, никакие доказательства, вплоть до документальной кинохроники и показаний тысячи свидетелей не заставят Кирилла поверить, что измены не было. Червячок сомнения все равно останется и будет точить. У них с Кириллом хорошие отношения, тьфу-тьфу, не сглазить, они доверяют друг другу, но в любом случае она костями бы легла, а нашла способ предупредить мужа о внезапной отлучке, а потом еще обязательно позаботилась и о том, чтобы муж мог легко проверить, что она действительно была там, где была, а не у любовника. Он бы, конечно, не стал, но на всякий случай... В самой безнадёжной ситуации извернулась бы, придумала хитрую и многоступенчатую схему, лишь бы только предупредить мужа, между тем как Авроре, если она действительно куда-то собиралась, хватило бы одного телефонного звонка. Почему Чернов не удивился, что она его не сделала? Поссорились накануне и не разговаривали друг с другом? Тем более. Сто из ста женщин в такой ситуации позвонят и зловещим шепотом произнесут: «Я сегодня ночью у сына». Может, еще добавят что-нибудь, но это уже дело вкуса.

Нет, чтобы жена гуляла по ночам где хотела, это в семье должен быть воистину запредельный уровень доверия. Фантастическая идиллия. Чего очень трудно добиться, когда муж изменяет практически в открытую, а жена строчит на него доносы.

Тут Ирина сообразила, что заседатели, скорее всего, не в курсе этих милых особенностей семейной жизни Черновых. До Синяева, наладчика с Кировского завода, сплетни из жизни ленинградской интеллигенции, скорее всего, вообще не долетали, а Олеся Михайловна если что и слышала краем уха, то за пять лет давно забыла. Но, что интересно, даже не зная ни про любовницу, ни про жалобы жены, оба они не верят Илье Максимовичу. Только сейчас это не важно.

– Товарищи, прошу вас учитывать, что мы с вами поставлены решить только одну задачу. Понять, имеются ли веские основания считать, что Авроры Витальевны Черновой больше нет в живых. Все, на этом наши полномочия исчерпываются, – отчеканила Ирина. – Расследовать обстоятельства ее смерти нас никто не просит, этим в течение пяти лет занимались соответствующие органы, и если у них ничего не вышло за столь долгий срок, то с нашей стороны будет весьма самонадеянно думать, что мы разрешим эту загадку в ходе одного судебного заседания.

– Так это что ж получается? – подскочил Синяев. – Это сейчас он получит наследство?

– В принципе да.

– А как же закон, что убийца не может наследовать за убитым?

Ирина только руками развела, гадая, в каком детективном романе Синяев почерпнул этот постулат.

– Степан Васильевич, все эти годы Чернову активно искала милиция, и раз они не сумели доказать причастность Ильи Максимовича к ее исчезновению, нам придется это принять.

– Все равно он вел себя очень подозрительно!

– Очень, – прошелестела Олеся Михайловна из своего угла.

– Но к делу это не относится.

Ирина решительно, насколько позволял живот, поднялась из-за стола и отправилась в зал.

После перерыва им предстояло заслушать двух свидетелей, которые бы подтвердили, что за последние пять лет ни разу не видели Чернову по месту жительства.

Первая из них, бодрая пенсионерка с пронзительно-рыжими волосами, отрапортовала, что, являясь соседкой Черновых по площадке, не видела мать семейства очень давно. Дату не помнит, но с тех пор, как к ней приходила милиция по поводу исчезновения Авроры Витальевны, точно ни разу.

Синяев не успокоился, продолжал свои бестактные расспросы, и благодаря им удалось выяснить, что данная соседка периодически подрабатывала у Черновых уборщицей.

– Не каждый день, конечно, но барыня у нас сама полы не мыла, – заявила свидетельница не без яда. – Белоручка была, Царствие ей Небесное. Ну а хозяин, видно, не таков, сам справляется. После пропажи хозяйки ни разу меня не нанимал.

«Интересно почему? – эта деталь заставила Ирину насторожиться. – Медсестры получают копейки, так что он явно не обеднел после исчезновения жены. С какой стати отказался от проверенной домработницы?»

Тут Синяев совсем распоясался и поинтересовался, какие отношения были в семье Черновых.

Покосившись на бесстрастного Илью Максимовича, свидетельница сказала:

– Откуда же я знаю? Чужая душа потемки... – но состроила при этом такую гримасу, что у суда не осталось никаких сомнений на этот счет.

Второй выступала молодая симпатичная женщина в умопомрачительно прекрасном ангорском свитерке со стоечкой и небольшими рюшечками на груди. Именно о таком Ирина страстно мечтала, поэтому, заглядевшись на свитерок, чуть не прослушала показания свидетельницы, но одна фраза заставила ее отвлечься от важных мыслей о том, как бы эта необыкновенная вещица смотрелась с джинсами.

– Последний раз я видела Аврору одиннадцатого апреля, – уверенно заявила свидетельница.

– Одиннадцатого?

– Да.

– В день исчезновения? Вы ничего не путаете?

Свидетельница усмехнулась:

– Нет, конечно. Я это точно помню. Да вы мои показания милиционерам почитайте. Я, как обычно, гуляла с дочкой во дворе, а тут Аврора идет из гаража.

– И что дальше?

– Как обычно. Перекинулись парой слов, она немножко дочку потискала, она вообще детей обожала, ну и всё. Она домой, мы на качельки.

– Вы видели, как она вошла в дом? – сразу отреагировал Синяев. Похоже, заседатель был большим любителем детективного жанра, и сейчас наслаждался, что из читателя превратился в действующее лицо увлекательного сюжета.

– Да я вообще-то не следила, куда она пошла, мне за ребенком надо было смотреть. Откуда же я могла знать, что дальше будет?

Неугомонный Синяев спросил, дружила ли свидетельница с Черновой, на что та весело засмеялась:

– Ну что вы, какая дружба! Кто они и кто мы! Я ж говорю, Аврора просто детей любила. Очень жалела, что не может жить вместе с сыном и нянчить внуков. Прямо это у нее мечта такая была.

– А почему не может-то? Вроде жилищные условия позволяли?

Ирина пнула Синяева, но промахнулась.

– Свидетель, на этот вопрос можете не отвечать, – сказала она. – Это не имеет отношения к делу.

Но свидетельница ответила:

– Вроде у невестки какая-то болезнь легких или что-то в этом духе, и она не может в городе жить. Черновы собирались к детям переехать, когда на пенсию выйдут, и Аврора очень переживала, что к тому времени внуки уже вырастут и самое интересное она пропустит.

Ирина покосилась на Илью Максимовича. Тот сидел, уставившись в герб, висящий позади Ирины, но, кажется, на его лице промелькнула тень досады.

– Ладно, раз вы не видели, как она заходила в дом, может, заметили, как она снова вышла? – задал Синяев вполне логичный вопрос, поэтому Ирина не стала его одергивать.

– Нет, больше я ничего не видела.

– То есть вы хотите сказать, что Чернова, по сути, приехала домой и бесследно исчезла где-то на пути в квартиру?

Тут Чернов наконец не выдержал и поднял руку:

– Разрешите?

– Слушаю вас, Илья Максимович.

– Естественно, жена приехала домой, иначе как машина оказалась бы в гараже?

«И то правда», – подумала Ирина.

– В свое время милиционеры выяснили все эти обстоятельства, – продолжал Чернов. – И я, честно говоря, не совсем понимаю, почему вы из гражданского процесса пытаетесь устроить кружок юных следопытов.

Ирина почувствовала, что краснеет. Замечание было, конечно, хамским, но не сказать, чтоб совсем уж неуместным.

– Илья Максимович, попрошу вас в этом зале воздержаться от оценочных суждений, – процедила она.

– Извините. Только это для меня до сих пор больная тема... Все эти годы думать, что Аврора не дошла до дома всего несколько метров...

Чернов потупился, прижал к груди стиснутые ладони, тяжело вздохнул, а после уставился в окно. Вышло технично, но неубедительно, Станиславский нашел бы, что сказать этому старательному, но бездарному актеру.

Пришло время удалиться для принятия решения.

– Нет, товарищи, говорите что хотите, но что он ее грохнул, ясно как день! – вскричал Синяев, едва переступив порог совещательной комнаты.

– Ясно или не ясно, а об этом никто нас не спрашивает. – После процесса Ирина тоже была в этом твердо убеждена, но ей хотелось поскорее домой, обиходить семью и лечь в кровать, а не сливаться с заседателем в дедуктивном экстазе, который все равно ни к чему не приведет.

– Слушайте, ну вы же видели эту рожу!

– Что поделать, таким уж создала его природа.

– При чем тут природа? – фыркнул Синяев. – Он же, по сути, любимую супругу сейчас хоронил, а ни один мускул не дрогнул! Сидел как на партсобрании!

Ирина нехотя кивнула:

– Ну да... Но вы учтите, люди разные есть, и свои чувства выражают тоже по-разному.

– И сын не пришел, – тихо заметила Олеся Михайловна. – Хотя событие такое...

– Многие не выносят бюрократической суеты, – вздохнула Ирина. – Существуют даже такие граждане, которые исполняют откровенно неправомочные решения, лишь бы только не судиться и не спорить.

– Ну сейчас случай особый, все же признать мать умершей – это тебе не лишний счет за электричество оплатить, – вздохнула Олеся Михайловна. – Хороший сын мог бы и переступить свои фобии, чтобы отца поддержать.

– Да этот отец никуда вроде и не падал, – хмыкнул Синяев, – наоборот, выглядел очень даже бодрячком.

Кашлянув, Ирина притянула к себе стопку бумаги:

– Главное, все требования закона соблюдены, а дальше не наше дело, – сказала она веско.

– И тут сплошной формализм! Чернов ее грохнул, это как божий день ясно! Тетка зашла домой и испарилась, или вы хотите сказать, что инопланетяне ее похитили? Чудес не бывает, вообще-то говоря!

– Еще раз прошу оставаться в рамках наших полномочий!

Синяев насупился:

– Товарищ судья, а вы можете вынести такой приговор, чтобы наша доблестная милиция лучше работала?

Ирина засмеялась и ничего не ответила.

– Нет, правда! А то они вообще уже расслабились, не делают ни черта! У меня у дочки сумку срезали в метро, так они даже заявление не взяли. А тут вообще разгадка на поверхности лежит, а они даже не почесались.

– Почему же, почесались, – процедила Ирина, догадываясь, что быстро она домой сегодня не попадет, – но суд, к сожалению, принимает к производству не разгадки, пусть даже очевидные, а убедительно доказанные дела.

Синяев горестно покачал головой, как бабка на завалинке:

– Это правило, видно, только для аппаратчиков работает, а Васю-слесаря давно бы упекли. Жена из дома пропала? Из дома! Кому-то нужна она была, кроме тебя? Нет! Ну и все! Ты ее и грохнул, так что собирай манатки и езжай на зону!

– Поезжай, – еле слышно заметила Олеся Михайловна.

– Что?

– Нет-нет, ничего, простите.

– Я еще понимаю, будь она большой начальницей или типа того, но операционная сестра кому мешает? – горячился Синяев. – Жива она или мертва, кому какая разница? Ну да, девки ей завидовали, но не до такой же степени, в самом-то деле!

– То есть вы твердо убеждены, что Чернову убил муж? – перебила Ирина. Это было грубо, но ее мочевой пузырь мог не выдержать длительной дискуссии.

– Так ясное дело!

– Стало быть, Аврора Витальевна мертва?

– Мертвее мертвого!

– Тогда нам ничего другого не остается, кроме как признать ее умершей, если, конечно, Олеся Михайловна не придерживается другого мнения, и таким образом выполнить поставленную перед нами задачу. Поймите, товарищи, своим решением мы никоим образом не ставим точку в расследовании дела об исчезновении Черновой.

– Ну да, конечно! – фыркнул неукротимый Синяев.

– Конечно. Да, сейчас оперативно-разыскные мероприятия не ведутся так же активно, как в первые дни после пропажи женщины, ведь, как ни цинично это звучит, силы милиции не безграничны, и тратить их надо в первую очередь на поиски тех, кого еще есть шанс обнаружить живыми. Но следствие возобновится, как только появятся новые данные. Наше сегодняшнее решение никоим образом не является индульгенцией для убийцы, кем бы он ни оказался. Мы с вами всего лишь подтверждаем, что если приличная женщина, добродетельная мать семейства и честная труженица в течение пяти лет не дала о себе знать ни на работе, ни дома, то в живых ее больше нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.